

Судья

zhurnalsudya.ru

2021

август

тема
номера

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

интервью

Б.Ю. ТИТОВ
Без судебной власти
немыслима нормальная
деятельность властных,
предпринимательских,
общественных структур

Большое значение для предпринимателей имеет определенность ситуации, она дает возможность формировать парадигму добросовестного поведения, позволяет прогнозировать дальнейшее развитие, предупреждать хозяйственные риски. Для экономического сообщества особенно важны разъяснения, содержащиеся в обзорах судебной практики, решениях Верховного Суда по конкретным делам и, конечно, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, способствующие формированию единообразия при реализации норм права.

Принцип
эффективности
толкования
договора

13

Внесудебное
заключение эксперта
в гражданском
процессе

31

Нарушение тайны
совещания присяжных:
русская и конвенционная
практика

46

Индивидуализация
уголовной ответственности
и свобода судейского
усмотрения

55

Судья

август | 2021

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
Н.В. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зиятдинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казакова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 8 [128] 2021
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Криэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
06.08.2021 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 8950 экз. Заказ № 128-0821

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2021

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
О.Ю. Колдаев, Фотобанк Лори,
Шаттерсток

Развитие национальной экономики более всего зависит от того, насколько в стране защищены права предпринимателей. Эта мысль, пожалуй, так же очевидна всем, как и то, что земля круглая и вращается вокруг солнца. Предпринимательское сообщество по природе своей прагматично, и, разумеется, оно во все времена стремилось выстраивать бизнес и вкладывать деньги в ту экономику, которая основывается на понятных и справедливых правилах.

Одним из столпов такой привлекательной и надежной экономики является независимый, беспристрастный и честный суд. Связь судебной практики с социальной и экономической реальностью во многом проявляется в том, что именно она шлифует, совершенствует, максимально приближает к идеалу правила ведения бизнеса. Правовые позиции судов корректируют правовой ландшафт, дают возможность предпринимателям планировать экономические и жизненные стратегии и уверенно чувствовать себя в процессе реализации этих планов.

Об этом говорит в своем интервью журналу «Судья» Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Борис Юрьевич Титов. Об этом же пишут и другие авторы августовского номера, в котором публикуются материалы, посвященные взаимодействию предпринимательской деятельности с правосудием. Думается, не случайно накануне интервью Борис Юрьевич вспомнил времена НЭПа, столетие которого отмечалось в апреле этого года на Столыпинском форуме. Судебная власть нового советского государства делала первые шаги, и экономистам последующих правовых эпох всегда было интересно наблюдать и анализировать, как буква и дух закона в том столетней давности их понимании взаимодействовали с новой экономической политикой и насколько широко было применимо судейское усмотрение в тех условиях. Кстати, многих современных судей эти страницы истории отечественного правосудия также интересуют (например, интервью с председателем Тамбовского областного суда Евгением Александровичем Соседовым на ютуб-канале журнала «Судья»).

Мы намерены еще неоднократно возвращаться к теме предпринимательского права на страницах нашего журнала. Будем благодарны представителям судейского сообщества за сотрудничество!

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА
Инвентар № _____
_____ 20 ____ йил

Судья | август | 2021

Предпринимательское право

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Связь судебной практики с экономической реальностью

ИНТЕРВЬЮ

4

Без судебной власти немыслима нормальная деятельность властных, предпринимательских, общественных структур. **Борис Юрьевич Титов**, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

ТЕМА НОМЕРА

9

Уполномоченные по защите прав предпринимателей как третьи лица в арбитражном процессе. **Алексей Александрович Рябов**, руководитель Экспертно-правового центра Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, общественный омбудсмен по медиации, кандидат юридических наук, доцент

ТЕМА НОМЕРА

13

Принцип эффективности толкования договора. **Татьяна Алексеевна Терещенко**, профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПб.), руководитель аналитического отдела Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург», FCI Arb (Лондон), кандидат юридических наук

17

Понуждение юридического лица к созыву общего собрания его участников. **Роман Викторович Доброродный**, помощник председателя Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда

22

Правила Инкотермс 2020. **Ольга Андреевна Каменская**, юрист юридического бюро «Мозго и партнеры»

СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

26

Влияние судебной экспертизы на принятие решения по делам о защите нематериальных благ. **Наталья Николаевна Ткачева**, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права», координатор Юридической клиники ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук

31

Внесудебное заключение эксперта в гражданском процессе. **Ирина Петровна Агаркова**, судья Саратовского областного суда

35

Роль суда при назначении судебной экспертизы в гражданском процессе. **Оксана Владимировна Пучкова**, судья Ясногорского районного суда Тульской области

40

Проблемы назначения судебной экспертизы в административном судопроизводстве. **Дмитрий Михайлович Абрамов**, судья Ростовского областного суда

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

46

Нарушение тайны совещания присяжных: российская и конвенционная практика. **Юлия Юрьевна Уланова**, судья Псковского областного суда, кандидат юридических наук

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

55

Индивидуализация уголовной ответственности и разумная свобода судейского усмотрения. **Евгений Иванович Васьков**, председатель Ленинского районного суда Тульской области

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПРАВО

58

Отдельные международно-правовые аспекты исполнения судебных актов в Российской Федерации. **Богдан Леонидович Зимненко**, начальник отдела международного права Верховного Суда Российской Федерации Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики, доктор юридических наук, профессор

КЛУБ ИМЕНИ
ЗАМЯТНИНА

62

Защита прав на интеллектуальную собственность в современных условиях

Без судебной власти немыслима нормальная деятельность властных, предпринимательских, общественных структур

Борис Юрьевич Титов занимает пост Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей с 22 июня 2012 г. За это время им было реализовано немало важных и действенных проектов по поддержке предпринимательской среды в стране. Важнейшим направлением для Бориса Юрьевича с самого начала его деятельности стало создание условий для диалога бизнеса и власти в поиске оптимальных точек понимания перспектив и возможностей развития экономики. И судебная власть, без которой немыслима нормальная деятельность властных, предпринимательских, общественных структур и общества в целом, в этом диалоге — неперенный участник. Множество тем поднимается в таких диалогах, ставших благодаря актив-

ной позиции Бориса Юрьевича постоянными и, главное, результативными. Одна из тем — медиация в экономических спорах. Именно она поможет снизить конфликтность, восстановит и укрепит экономические связи. А еще существенно снизит нагрузку судов — в этом, судя по дискуссиям, уверены представители и судейского сообщества, и предпринимательских кругов. Представитель редакции встречался с Борисом Юрьевичем непосредственно после прошедшего в начале апреля Столыпинского форума, посвященного 100-летию НЭПа. Новая экономическая политика позволила советскому государству совершить прорыв, хотя и недолговременный, в экономике. Этот интереснейший опыт, а также то, как советское право и суды смогли учесть такую необычную социальную реальность, стало не просто историческим экскурсом, но отправной точкой размышлений об экстраполяции его в современную практику. Разговор с Уполномоченным, который мы представляем нашим читателям, как раз и показал, насколько изучение прошлого может быть продуктивно в дне нынешнем.

Борис Юрьевич, как Вы могли бы определить основные направления по взаимодействию предпринимательского сообщества с судебной властью?

Предприниматели предпринимают, суды судят. Иногда разрешают споры с участием предпринимателей, иногда судят самих предпринимателей. Вот такое взаимодействие.

Сейчас, особенно с учетом того удара, который по бизнесу нанесла пандемия COVID-19, мы возлагаем большие надежды на внесудебные способы разрешения споров, медиацию. Во многих регионах суды активно способствуют этому процессу — открывают комнаты примирения, разъясняют сторонам возможность обратиться за проведением процедуры медиации. Здесь в первую очередь хотелось бы отметить Свердловскую область — одного из лидеров в этом процессе.

Общественные организации бизнеса постоянно отслеживают правоприменительную практику. Результаты этого мониторинга мы в том числе используем для подготовки предложений для Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правовых заключений, подготавливаемых по запросам Конституционного Суда Российской Федерации.

Какие, на Ваш взгляд, самые сложные или показательные судебные процессы состоялись за то время, что Вы пребываете в должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей?

Ярких дел, безусловно, много, но я бы говорил не о конкретных случаях, а о наиболее важных, системно значимых блоках судебной практики бизнес-омбудсменов. Ведь к нам предприниматель обращается как к инстанции последней надежды, когда он отчаялся получить помощь от органов власти, юристов и адвокатов.

К сожалению, есть целые области в праве, где недостатки законодательства и перекосы в правоприменении ставят предпринимателей в крайне тяжелое положение. Перечислю некоторые из них.

Банкротство кредитных организаций. Законодательство о банкротстве таково, что предпринимателям — кредиторам третьей очереди практически невозможно получить удовлетворение своих требований из конкурсной массы. Агентство по страхованию вкладов (далее — АСВ) нередко «играет» против таких кредиторов, получение предпринимателями даже минимальной информации о состоянии дел в банке сопряжено с невероятными сложностями. А если и судья, ведущий дело о банкротстве, не проявляет активность в вопросах контроля, то оказывается, что средства банка исчезли в неизвестном направлении. При этом юридические фирмы, аккредитованные АСВ для проведения банкротства, получают фантастические гонорары. Представьте себе: за несколько дней до введения временной администрации из кассы банка вывозят на автомобилях миллиарды наличных рублей и перевозят их в банк, подконтрольный АСВ, а отвечая на вопросы суда, эту транзакцию представители АСВ и Центрального банка называют обычной хозяйственной операцией.

В среднем кредиторы третьей очереди получают не больше 3% от размера своих требований. Это прекрасно иллюстрирует как качество законодательства, так и состояние правоприменения. Надеемся, что в сфере банкротства кредитных организаций будут происходить существенные подвижки к лучшему.

Следующая сфера — это, разумеется, споры, связанные с недвижимым имуществом и землей. Намечается устойчивая тенденция к оспариванию прав на недвижимое имущество, приобретенное предпринимателями очень давно. Причем оспаривание ведется по самым экзотическим основаниям. Подробный анализ наиболее серьезных проблем в сфере защиты прав собственности на недвижимое имущество нами будет сделан в специальном докладе на имя Президента Российской Федерации.

И конечно же, нельзя не упомянуть налоговые споры. Речь идет о тех случаях, когда при неизменности законодательства не выработана

единообразная правоприменительная практика.

Прекрасный пример — использование налоговой концепции дробления бизнеса. В этом случае разделение бизнеса на несколько налогоплательщиков, использующих специальные налоговые режимы, признается искусственным, направленным на уклонение от уплаты налогов, и налогоплательщикам налоги доначисляются по общей системе налогообложения, а это десятки и сотни миллионов рублей.

Налоговый закон не содержал и не содержит категории «искусственное разделение бизнеса». Закрытого перечня признаков или критериев искусственности разделения бизнеса тоже нет. Правоприменительная практика их определяет, по сути, прецедентным путем. При этом предприниматели сообщали нам, что около десяти лет назад представители некоторых региональных властей и региональных управлений Федеральной налоговой службы настоятельно рекомендовали им переходить с общей системы налогообложения на упрощенную, а тем, кто не подпадал под критерии «упрощенки» (был слишком крупным), — дробить бизнес.

Десять лет назад это было выгодно государству, поскольку система администрирования налога на добавленную стоимость и налога на прибыль была развита слабо, и переход на упрощенную систему улучшал показатели собираемости налогов. Это было выгодно и регионам, поскольку налог по «упрощенке» поступал в региональный бюджет. А сейчас предпринимателей, которые идут этим путем, квалифицируют как нарушителей налогового закона. Такая практика, на мой взгляд, нарушает один из базовых конституционных принципов, гарантирующих стабильность законодательства и правоприменения, — принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Принимаете ли Вы участие в рабочих группах по подготовке проектов постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации? Учитыва-

ется ли мнение предпринимательского сообщества при формировании правовых подходов к разрешению экономических ситуаций?

Да, безусловно. Верховный Суд привлекает наших специалистов к участию в рабочих группах по подготовке проектов постановлений Пленума. Раньше в основном это касалось постановлений по уголовным делам. Очень большая и конструктивная работа была проведена при подготовке Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Могу сказать, что по наиболее принципиальным вопросам мы и бизнес были услышаны.

Не так давно мы участвовали в подготовке Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Мы также оцениваем эту работу как очень позитивную.

Ряд наших специалистов — признанные ученые в профильных отраслях права. Поэтому хотелось бы, чтобы сотрудничество распространялось и на деятельность научно-консультативных советов, действующих в судебной системе.

Есть ли какие-либо доктрины или правовые подходы в отношении разрешения экономических споров, практикуемые в других странах, которые кажутся Вам заслуживающими внимания?

У каждой страны свой социально-экономический базис, культурно-исторические и социально-психологические особенности. Голая рецепция зарубежных доктрин и подходов вряд ли принесет положительные результаты, к этому следует относиться с осторожностью. Но, разумеется, иностранный опыт нужно тщательно изучать и пытаться понять, как его можно имплементировать в нашу реальность.

Кроме того, необходимо внимательно исследовать отечественную историю и ориентироваться на положительные примеры, которые были в ней. Для этой цели мы сейчас внимательно изучаем опыт Судебной реформы 1864 года, которая сыграла огромную роль в развитии нашей страны.

Достаточно ли у омбудсменов по защите прав предпринимателей процессуальных полномочий в арбитражном процессе? Какие нормы Вы считаете необходимым уточнить или, может, есть необходимость в выработке новых процессуальных презумпций в этой области?

Несмотря на большой опыт участия бизнес-омбудсменов в арбитражном судопроизводстве, законодательство в этой части нуждается в существенной корректировке. Сейчас в статье 53¹ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации перечислены три процессуальных полномочия Уполномоченного при Президенте Российской Федерации и только одно полномочие уполномоченных в субъектах Российской Федерации. Да и сама статья с точки зрения юридической техники сформулирована не самым лучшим образом. Принципиально важно, чтобы у уполномоченных в субъектах Российской Федерации перечень процессуальных полномочий был таким же, как у Уполномоченного при Президенте Российской Федерации (разумеется, в пределах их компетенции по кругу лиц и территории работы). Это повысило бы системность в работе института уполномоченных.

Кроме того, мы бы считали важным, чтобы у уполномоченных было право участия в деле для дачи заключения по нему. Сейчас этот институт реализован в Гражданском процессуальном кодексе и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. В Арбитражном процессуальном кодексе его нет, хотя он повысил бы качество и скорость судопроизводства и в известной степени разгрузил бы арбитражные суды, которым не всегда легко разо-

браться в особенностях функционирования того или иного бизнеса.

Также участие бизнес-омбудсменов в деле для дачи заключения серьезно повысило бы уровень доверия предпринимателей к деятельности арбитражных судов.

Как Вы оцениваете потенциал медиации по экономическим спорам? Возможна ли медиация с государственными органами?

Потенциал медиации по экономическим спорам огромен. Увы, пока ее развитие сдерживается по целому ряду причин, в том числе психологических, но мы надеемся на преодоление ситуации.

Я уже отмечал, что в ряде субъектов Российской Федерации эта работа дает положительные плоды. Мною назначен особый спецпредставитель по этому вопросу — общественный омбудсмен по медиации. К сожалению, развитие медиации (в первую очередь с государством и муниципальными образованиями) сдерживается недостаточно четким законодательным регулированием.

В Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» говорится о возможности медиации с государством. Но эти правила предельно абстрактны. Чиновники попросту боятся заключать медиативные соглашения, опасаясь, что могут получить обвинения со стороны вышестоящих органов, правоохранителей в выходе за пределы своей компетенции, коррупционности и т.д. Они не понимают пределы своей дискреции — свободы усмотрения при принятии того или иного решения. Получается, что при досудебном урегулировании споров с той же Федеральной налоговой службой медиативные технологии используются очень активно, но они не получают формализации в медиативном соглашении — том документе, который предусмотрен в вышеупомянутом Законе. То есть нам нужно от медиации фактической переходить к медиации юридической; надеемся, что это получится сделать.

Как Вы оцениваете эффективность деятельности третейских судов – российских и международных? Ведете ли Вы статистику и анализируете ли исполняемость выносимых ими решений и обращений в государственный суд с оспариванием стороной вынесенного третейского решения?

Нет, такую статистику мы не ведем. Третейские суды рассматривают гражданско-правовые споры. Бизнес-омбудсмены рассматривают конфликты предпринимателей с государством или организациями, исполняющими отдельные публично-правовые функции. Конечно, было бы правильно по аналогии с иными промышленно развитыми странами существенно повысить значение третейского разбирательства для разрешения хозяйственных споров, сделать третейский суд основным органом, разрешающим такого рода конфликты. Но, увы, развитие системы третейских судов в нашей стране приостановлено по целому ряду причин. Надеемся, что это временно.

Каково Ваше отношение к развитию такого вида деятельности, как софинансирование судебных споров?

Безусловно, это очень прогрессивный институт, что подтверждается и международной практикой. В нашей стране есть отдельные площадки, которые его развивают, но массовый характер этот институт не приобрел. Его развитие зависит от многих факторов – в первую очередь от экономической стабильности в стране и перспектив экономического роста в ней. В турбулентной экономике ожидать большого количества желающих финансировать судебный спор под условием получения части выигрыша от него будет невелико. Какой смысл вкладывать деньги в сопровождение судебного процесса, если проигравшая сторона может в любой момент стать банкротом? На развитие этого института будут влиять и такие факто-

ры, как высокий уровень определенности правовых норм, предсказуемость их толкования судом, взыскание расходов на судебных представителей в адекватном размере, соответствующем в том числе мировым стандартам.

Какая информация от судов в отношении экономических дел, на Ваш взгляд, востребованна, интересна для экономического сообщества и общества в целом?

Большое значение для предпринимателей имеет определенность ситуации, она дает возможность формировать парадигму добросовестного поведения, позволяет прогнозировать дальнейшее развитие, предупреждать хозяйственные риски, вся тяжесть которых, как Вы знаете, лежит на предпринимателях. Для экономического сообщества особенно важны разъяснения, содержащиеся в обзорах судебной практики, решениях Верховного Суда по конкретным делам и, конечно, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, способствующие формированию единообразия при реализации норм права.

На Ваш взгляд, воспитание правосознания как у будущего поколения предпринимателей, так и у ныне действующих, – это возможное, должное, желательное или нереальное в настоящее время?

Будущее поколение предпринимателей совершенно точно хочет жить в правовом государстве со справедливым и качественно функционирующим правосудием. Они не мыслят, что может быть по-другому. Уровень правосознания молодых предпринимателей очень высок.

Предприниматели старой формации – очень разные, но правовой нигилизм в их среде медленно, но верно становится исключением из правил. Подавляющее большинство стремится жить по закону. **□**

Уполномоченные по защите прав предпринимателей как третьи лица в арбитражном процессе

Алексей Александрович Рябов

Экспертно-правовой центр Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, руководитель, общественный омбудсмен по медиации, кандидат юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам участия уполномоченных по защите прав предпринимателей в арбитражных процессах в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора. Раскрываются отличия их процессуального статуса от статуса третьих лиц, привлекаемых к участию в деле на основании статьи 51 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, оцениваются особенности привлечения их к участию в деле. Особое внимание уделяется участию в деле в качестве третьего лица Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Ключевые слова: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, защита прав субъектов предпринимательской деятельности

The High Commissioners for the protection of the rights of entrepreneurs as third parties in the arbitration proceedings

Alexey Aleksandrovich Ryabov, Expert and Legal Center of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs, supervisor, Public Ombudsman for Mediation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Annotation. The article is devoted to the engagement of ombudsmen for the protection of the rights of entrepreneurs in arbitration proceedings as third parties without independent claims with regard to the subject of the dispute. It reveals the differences between the procedural status thereof and the status of the third parties involved as specified by Article 51 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. The author gives assessment to the specific nature of their engagement in such cases. Particularly, attention is paid to the relevant participation in the case as a third party of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the protection of the rights of entrepreneurs.

Keywords: the Commissioner under the President of the Russian Federation for the protection of the rights of entrepreneurs, commissioners for the protection of the rights of entrepreneurs in the constituent subjects of the Russian Federation, third parties without independent claims with regard to the subject in the dispute, protection of the rights of business entities

С момента появления в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – АПК РФ) статьи 53¹ прошло более семи лет. Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² дополнил АПК РФ положением, в силу которого одним из процессуальных правомочий Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный при Президенте РФ) стало право вступать в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (ч. 2 ст. 53¹ АПК РФ).

За указанный период Уполномоченный при Президенте РФ участвовал в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, более чем в 50 делах, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации – более чем в 300 делах. Но, к глубокому сожалению, говорить о единстве правоприменительной практики в этом вопросе нельзя. До сих пор упомянутая норма продолжает находиться в центре научных дискуссий, когда речь заходит о правовой природе и особенностях деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей (далее также – уполномоченные).

При проектировании статьи 53¹ АПК РФ предусматривалось, что статус Уполномоченного при Президенте РФ как третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, не будет таким же, как классический статус третьего лица в делах искового производства, который определен в статье 51 АПК РФ.

Целью введения статьи 53¹ АПК РФ было наделение уполномоченных по защите прав предпринимателей процессуальными правами, необходимыми для реализации публично-правовой функции защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. По

этой причине статус уполномоченных как третьих лиц, реализующих свою публично-правовую функцию, принципиально отличен от статуса третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, установленного статьей 51 АПК РФ. Такого рода различие прекрасно видно, если учесть системное место части 2 ст. 53¹ среди иных норм АПК РФ, а также цели появления в процессуальном законе соответствующего правила.

Принципиально важно, что статус третьего лица, предусмотренный частью 2 ст. 53¹ АПК РФ, не является частным случаем статуса, предусмотренного статьей 51 АПК РФ. Иное понимание полностью выхолащивало бы смысл части 2 ст. 53¹ и делало бы ее юридически бессмысленной, ведь для защиты своих частноправовых интересов как государственного органа, обладающего статусом юридического лица, Уполномоченному при Президенте РФ было бы вполне достаточно статьи 51. К сожалению, это не всегда принимается во внимание.

В соответствии с частью 1 ст. 51 АПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции арбитражного суда, если этот судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда. Третьи лица – это такие участники процесса, которые предположительно состоят с одной из сторон (истцом или ответчиком) в каких-либо материально-правовых отношениях; эти отношения не являются предметом судебного разбирательства; решение суда по спору может повлиять на права и обязанности этих лиц по отношению к одной из сторон (повлечь возникновение права/обязанности у стороны по отношению к третьему лицу либо у третьего лица по отношению к стороне спора)³.

¹ Российская газета. 27 июля 2002 г.

² Российская газета. 6 ноября 2013 г.

³ См. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов / под ред. Н.М. Коршунова. М., 2011. С. 58.

Как указывается в Обобщении судебно-арбитражной практики рассмотрения споров, связанных с привлечением к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, утвержденном Президиумом Федерального арбитражного суда Поволжского округа 21.01.2011⁴, целью участия третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора является *предотвращение неблагоприятных последствий для них в будущем*, а их интерес в деле носит как процессуальный, так и материально-правовой характер. Процессуальный интерес состоит в стремлении третьих лиц посредством помощи той или иной стороне в деле добиться положительного решения (иного акта) в пользу этой стороны. Вместе с тем для привлечения в процесс эти лица должны иметь ярко выраженный материальный интерес на будущее. После разрешения дела судом у третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, могут возникнуть, измениться или прекратиться материально-правовые отношения с одной из сторон. Подавая в суд заявление о вступлении в дело в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, потенциальные третьи лица должны указать обстоятельства, свидетельствующие о том, что будущий судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон в уже начатом процессе. Фактически в заявлении надлежит упомянуть те обстоятельства, которые, будучи установленными судом в настоящем процессе, могли бы играть роль преюдициально установленных фактов (ст. 69 АПК РФ) либо в процессе, возбужденном впоследствии самим третьим лицом в отношении одной из сторон, либо в процессе, где такое третье лицо может выступить в качестве ответчика.

Совершенно очевидно, что у уполномоченных по защите прав предпринимателей, реализующих публично-правовой интерес в отправлении государственной правозащитной функции,

нет и не может быть цели предотвращения неблагоприятных последствий для себя в будущем. Бесмысленно требовать от уполномоченных, чтобы они, осуществляя свою государственную функцию, по аналогии с обычными третьими лицами, указывали в заявлении о вступлении в дело то, как именно изменятся их права и обязанности по отношению к субъекту предпринимательской деятельности, который обратился к ним за защитой, равно и то, что такие обстоятельства могли бы играть роль преюдициально установленных фактов (ст. 69 АПК РФ), будучи установленными судом в настоящем процессе.

Правовая модель третьего лица, закрепленная в части 2 ст. 53¹ АПК РФ, непривычна для укоренившихся в юридической науке представлений. Институт третьего лица в отечественном процессуальном законодательстве формировался в первую очередь для того, чтобы защитить частнопра-

Цель участия Уполномоченного при Президенте РФ в арбитражном процессе – защита публичного интереса стабильности и правопорядка в сфере предпринимательской деятельности путем содействия конкретному ее участнику как стороне арбитражного спора в отстаивании его законных прав

вовые интересы субъекта, не являющегося стороной спора. Как пишет С.З. Женетль, обобщение мнений, суждений дореволюционных и советских авторов позволяет сделать вывод, что кардинальных расхождений во взглядах на этот институт не существовало; цель участия третьих лиц в чужой судебной тяжбе – защита своих интересов⁵.

Возможно, использование законодателем термина «третье лицо» в отношении уполномоченных по защи-

⁴ См.: <https://faspo.arbitr.ru/node/13733>

⁵ См.: Женетль С.З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования // Проблемы экономики и юридической практики. М., 2018. С. 229–235.

те прав предпринимателей было не вполне корректным, но здесь речь скорее может идти о терминологическом споре, а не о сути, поскольку принципиально важным в данном случае является объем процессуальных прав, соответствующих статусу третьего лица, а не название как таковое. Не исключаем, что термин «заинтересованное лицо» был бы более точен для этой ситуации, однако, как справедливо отмечает С.З. Женетль, недостаточная законодательная урегулированность вступления третьих лиц без самостоятельных требований в дело приводит порой к смешению понятий «третье лицо» и «заинтересованное лицо». Это легко увидеть в судебных актах, когда в делах из административных правоотношений государственный орган, реализующий публично-правовые функции, привлекается в качестве третьего лица. Но даже если рассматривать случаи смешения понятий «третье лицо» и «заинтересованное лицо» как не соответствующие процессуальному закону, это не влечет неправосудности судебного акта и, как следствие, не может являться основанием для его отмены.

Мы поддерживаем позицию Д.В. Маклаева, считающего, что материальное правоотношение третьего лица с одной из сторон рассматриваемого судом спора о праве может заключаться и в наличии правоотношения публично-правового характера⁶. Цель участия Уполномоченного при Президенте РФ в арбитражном процессе – защита публичного интереса, стабильности и правопорядка в сфере предпринимательской деятельности путем содействия конкретному ее участнику как стороне арбитражного спора в отстаивании его законных прав. Здесь органически объединяются частный и публичный, материальный и процессуальный интересы.

Уполномоченный при Президенте РФ, установив признаки нарушений прав и законных интересов субъекта предпринимательской деятельности, с согласия такого субъекта подает

заявление о вступлении в дело в качестве третьего лица. Суду, как представляется, необходимо проверить лишь формальные признаки заинтересованности Уполномоченного при Президенте РФ в участии в деле на стороне данного субъекта предпринимательской деятельности. Для этого достаточно подтвердить, что защищаемый субъект обратился к Уполномоченному с соответствующей жалобой и она принята к рассмотрению по существу. Отказ в привлечении Уполномоченного при Президенте РФ в дело в качестве третьего лица с опорой на часть 1 ст. 51 АПК РФ на том основании, что в заявлении не перечислены конкретные права и обязанности, которые могут возникнуть, измениться или прекратиться по итогам вступления решения суда в законную силу, не может считаться правомерным.

Думается, что аналогичные правила могут и должны применяться к вступлению в дело в качестве третьих лиц уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, хотя в статье 53¹ АПК РФ нет прямого упоминания о наличии у них такого процессуального права. Аргументом в поддержку данной позиции является тождество целей и задач, реализуемых в деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации и Уполномоченного при Президенте РФ, объединение всех уполномоченных по защите прав предпринимателей в единый институт, действующий на основании Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»⁷. При привлечении уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, важно, чтобы спор находился в сфере компетенции такого уполномоченного, определенной в соответствии с частью 1 ст. 10 указанного Закона. □

⁶ См.: Маклаев Д.В. Третьи лица в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

⁷ Российская газета. 13 мая 2013 г.

Принцип эффективности толкования договора

Татьяна Алексеевна Терещенко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (СПб.),
кафедра гражданского права и процесса,
профессор,
Адвокатское бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»,
руководитель аналитического отдела,
FCI Arb (Лондон),
кандидат юридических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Автор на примере статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации и судебной практики обращается к принципу эффективного толкования договора. Она отмечает, что при возникновении любого договорного спора должны быть приложены все возможные усилия к тому, чтобы договор в случае доказанности неясности соответствующих условий был признан заключенным, действительным, исполнимым, разумным и неабсурдным с точки зрения общей воли сторон. Спор о толковании не должен и не может превращаться в способ исправить собственные ошибки, допущенные при заключении договора по неосмотрительности или незнанию, иные упущения либо потерю интереса к исполнению договора на согласованных условиях.

Ключевые слова: статья 431 ГК РФ, принцип эффективного толкования, действительность, исполнимость и разумность условий, спор о толковании договора

The principle of effective construction of a contract

Tatiana Alekseevna Tereschenko, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Chair of Civil Law and Procedure, Professor, Law Office "Prime Advice St. Petersburg", Head of analytical department, Candidate of Sciences (Law), FCI Arb (London), St. Petersburg, Russia

Annotation. The author refers to the principle of effective construction of a contract within the scope of Article 431 of the Civil Code of the Russian Federation and relevant judicial practices. The author further notes that in the case of any contractual dispute the parties thereto should make their best efforts to get the contract recognized as concluded, valid, enforceable, reasonable and non – absurd from the point of view of the shared will of the parties, provided the relevant conditions thereof have been proved to be unclear. A dispute concerning the construction of a contract should not and cannot be used to remedy one's own mistakes made upon concluding of the contract due to negligence or ignorance, other omissions or a loss of interest in the execution of the contract on the agreed upon terms.

Keywords: article 431 of the Civil Code of the Russian Federation, the principle of effective construction, validity, enforceability and reasonableness of conditions, a dispute over the construction of a contract

Статья 431 ГК РФ о толковании договоров

Правила о толковании договора закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) в единственной статье 431, которая не претерпела изменений в процессе реформирования гражданского законодательства. Однако это не означает, что ее положения настолько безупречны, что не нуждаются в разъяснениях и комментариях.

В частности, статья 431 ГК РФ может быть логически разделена на следующие смысловые фрагменты, определяющие последовательность и существо применения правил о толковании.

Правило 1:

а) при толковании условий договора принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений;

б) буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Правило 2:

если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Из содержания статьи 431 ГК РФ следует, что буквальному тексту договора (форма выражения, волеизъявление) отдается приоритет по сравнению с действительной общей волей сторон (воля как она есть) с учетом цели договора. Не вдаваясь в дискуссию об обоснованности приоритета волеизъявления, отметим: сложно отрицать направленность статьи 431 ГК РФ на попытку сохранить договор в любом случае. По крайней мере, ничто в статье 431 ГК РФ не дает повод для противоположного мнения.

Принцип эффективного толкования: значение и содержание

На практике неясность или двусмысленность спорных условий договора, а равно невнятность или недоработанность позиций спорящих сторон создают суще-

ственный риск развития так называемого негативного сценария. Это означает, что спорный договор (в целом или в части) может быть признан незаключенным, недействительным, неисполнимым, абсурдным либо таким, каким стороны и помыслить его не могли.

Простой пример — договорное положение о праве одной стороны менять количество поставляемого товара без конкретизации оснований такого изменения и порожденная этим положением неопределенность относительно того, является ли такое право безусловным или же для его реализации должны быть некие веские причины. Другой пример. Если договор признан незаключенным/недействительным, но исполнение по нему произведено, то встречное предоставление за это исполнение будет оцениваться по нормам о неосновательном обогащении, содержание которых может сильно отличаться от условий, о которых договорились стороны.

Вместе с тем квалификация, отрицающая существование или исполнимость договорных обязательств, является крайним средством и требует серьезной аргументации, в том числе от суда, выносящего соответствующее решение.

Обусловлено это тем, что правило толкования в пользу действительности, заключенности, исполнимости, разумности условий договора (также известное как правило полезного эффекта, правило эффективного толкования) считается принципом толкования, т.е., по смыслу статьи 431 ГК РФ, одной из ключевых идей, через призму которой применяются любые приемы и способы выяснения и интерпретации воли сторон. Этот принцип равным образом обусловлен целями частного правового регулирования (стабильность и предсказуемость гражданского оборота, уважение не только свободы договора, но и приверженности последствиям связанности возникшим обязательством).

Принцип эффективного толкования в законодательстве и практике

Значимость принципа эффективного толкования договора подтверждается анализом действующего законодательства и судебной практики, а также международным опытом.

В частности, в пункте 5.1.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена

решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.¹) констатировалось, что «споры о признании сделок недействительными по различным основаниям приобрели массовый характер. Значительная часть этих споров инициируется недобросовестными лицами, стремящимися избежать исполнения принятых на себя обязательств. В этой связи необходимо предпринять законодательные меры, направленные на исправление складывающегося положения». Такое указание на массовость споров о признании сделок недействительными, в целом неестественную для гражданского права, является признанием последствий игнорирования принципа эффективного толкования.

Договор является одним из наиболее распространенных оснований возникновения гражданских правоотношений (ст. 8 ГК РФ), которое представляет собой волевое действие. Собственно, именно об этом говорится в пункте 1 ст. 420 ГК РФ: договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Если договор заключен, логично предположить, что он имеет причину и цель. Эта идея известна еще со времен римского права и подтверждается принципом *favor contractus (favor negotii)*, предполагающим необходимость всяческого благоприятствования сделке, т.е. толкования любых сомнений в пользу заключенности, действительности и исполнимости договора.

Наш законодатель не случайно отказался от презумпции ничтожности сделки в пользу презумпции оспоримости (ст. 168 ГК РФ), а также включил в ГК РФ нормы, подобные пункту 2 ст. 431¹ о том, что по общему правилу сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным. Эта норма является хорошей иллюстрацией многофакторности правовой оценки для целей соблюдения принципа эффективного толкования договора.

Сам принцип эффективного толкования в общем виде сформулирован в пункте 44 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 49): «При наличии спора о действительности или заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из заключенности и действительности договора и учитывает установленную в пункте 5 статьи 10 ГК РФ презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу».

Отражением принципа эффективного толкования является и оговорка в абзаце третьем пункта 32 Постановления Пленума ВС РФ № 49 о том, что «толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду».

За этим разъяснением можно увидеть всю широту идеи эффективного толкования. Дело не только в оценке (не)заключенности/(не)действительности условия. Дело в том, чтобы выбрать из всех его возможных смыслов тот, который наиболее соответствует или должен соответствовать именно общим намерениям и воле сторон, является ситуативно разумным, адекватным и неабсурдным.

Разъяснения ВС РФ перекликаются с положениями ст. 5:106 Принципов Европейского договорного права (*The Principles on European Contract Law*³), в которой закреплено идейное содержание принципа эффективного толкования: «*An interpretation which renders the terms of the contract lawful, or effective, is to be preferred to one which would not*».

² Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2.

³ Текст Принципов на английском языке см.: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/. Текст на русском языке опубликован в: Международные коммерческие транзакции. Публикация ICC № 711. М., 2011.

¹ Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

Это означает, что предпочтительным является толкование позитивное, признающее договорное условие законным и эффективным, т.е. таким, которое существует и является действительным, исполнимым, неабсурдным и похожим на то, что стороны имели или должны были иметь в виду.

В практике нижестоящих судов также можно увидеть обращение к принципу эффективного толкования в самом широком смысле — не только для оценки наличия и законности условий, но и для того, чтобы убедиться, что их понимание не приводит к абсурдным последствиям.

Например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 октября 2019 г. № Ф07-7716/2016 по делу № А56-72478/2015⁴ указано: «Согласно части 1 статьи 31 «Венской Конвенции о праве международных договоров», заключенной в Вене 23.05.1969 (далее — Венская конвенция), договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Статьей 32 Венской конвенции предусмотрено возможное обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31; или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31: оставляет значение двусмысленным или неясным (а), или приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными (b)».

Игнорирование принципа эффективного толкования приводит к существенным ошибкам.

Примером может служить дело, приведенное в пункте 23 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г.)⁵. В частности, ВС РФ отмечает, что «толкование договора должно осуществляться в том числе на основе принципа добросовестности, в частности, при наличии сомнений в том, является ли договор заключенным

в пользу третьего лица, такой договор должен толковаться как предоставляющий права третьему лицу, если иной подход приведет к произвольному лишению третьего лица компенсации за утрату права собственности».

ВС РФ прямо не говорит о том, что такой подход обусловлен именно необходимостью соблюдения принципа эффективного толкования договорного условия, однако это с очевидностью вытекает из используемых ВС РФ формулировок.

Разумеется, принцип эффективного толкования договора не означает беспричинную абсолютизацию свободы договора. В выражении воли могут быть неустраняемые дефекты, но в такой ситуации необходимо не только их установить, но и убедиться в их неустраняемости. То есть в том, что неясные выражения никак не могут быть объяснены в смысле, наиболее благоприятном для сохранения сделки.

Вывод

Применение положений статьи 431 ГК РФ невозможно без учета принципа эффективного толкования.

Последний означает, что при возникновении спора должны быть приложены всевозможные усилия к тому, чтобы договор в случае доказанности неясности соответствующих условий был признан именно заключенным, действительным, исполнимым, разумным и неабсурдным с точки зрения общей воли сторон.

Практическое значение принципа эффективного толкования состоит в том, что благодаря ему произвольное / недостаточно обоснованное признание любого существенного условия несогласованным или недействительным становится противоречащим стабильности гражданского договора. Спор о толковании не должен и не может превращаться в способ исправить собственные ошибки, допущенные при заключении договора по неосмотрительности или незнанию, иные упущения либо потерю интереса к исполнению договора на согласованных условиях.

Поэтому как в процессе подготовки правовой позиции, так и в процессе оценки аргументов спорящих сторон необходим последовательный тест на оценку каждого условия не только как существующего, законного, но и как эффективного, т.е. такого, которое разумно и неабсурдно для сторон. □

исполнение договора

термины договора

обстоятельства заключения

⁴ Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Понуждение юридического лица к созыву общего собрания его участников

Роман Викторович Доброродный

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд,
помощник председателя суда
г. Самара, Россия

Аннотация. В работе арбитражных судов периодически возникают трудности в применении норм процессуального права, связанных с понуждением юридического лица к созыву общего собрания участников, с порядком исполнения решения суда, выбора ответственного за исполнение. Исследованная практика окружных судов по этой проблематике позволяет ответить на многие вопросы, а полученные ответы эффективно использовать при отправлении правосудия нижестоящими инстанциями.

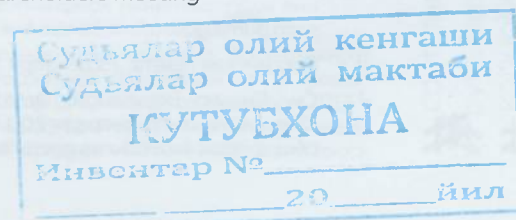
Ключевые слова: арбитраж, обеспечительные меры, корпоративные конфликты, собрание акционеров

Compulsion the legal entity to convene a general meeting of its shareholders

Roman Viktorovich Dobrorodny, Eleventh Arbitration Court of Appeal, assistant to the president of the court, city of Samara, Russia

Annotation. The courts of arbitration periodically experience difficulties while applying the rules of procedural law relating to compulsion the legal entity to convene the general meeting of shareholders, also to the procedure relating to enforcement of the court's decision, and the appointment of a person in charge of enforcement procedure. The practices of the district courts on this particular issue provide answers to many questions, and such clarifications can be effectively used in administration of justice by the courts of lower instances.

Keywords: arbitration, interim measures, corporate conflicts, shareholders meeting

Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ в действующий Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – АПК РФ) была включена глава 28¹ «Рассмотрение дел по корпоративным спорам», ознаменовавшая переход ряда корпоративных споров (споров по искам акционеров – физических лиц, направленных на передачу реестра акционеров от одного регистратора другому (если акционерное общество не привлекается к участию в деле), споров о признании недействительными решений совета директоров о созыве собраний акционеров и др.) из подведомственности судов общей юрисдикции в арбитражные суды³.

И хотя с этого момента прошло уже более 10 лет, правоприменительная практика по отдельным статьям, включенным в главу АПК РФ, посвященную корпоративным спорам, не является в достаточной мере сформированной.

Очевидно, что цель внесения изменений в АПК РФ и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴ (далее – Закон об АО) не ограничивалась только сменной компетенции рассмотрения споров⁵, но предполагала решение куда более глобальных задач, таких как устранение предпосылок рейдерских захватов путем перехода корпоративного управления от одних лиц к другим с помощью самостоятельного созыва общих собраний корпорации (прежде всего акционерных обществ) лицами и органами управления, требовавшими созыва общего собрания и получившими отказ.

Право самостоятельного созыва общего собрания участников не было

затронуту в иных организационно-правовых формах корпораций, таких как общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО), производственный кооператив, сельскохозяйственный кооператив, не было заменено на судебный порядок, а осталось также на усмотрение лиц, требующих такого созыва.

Исследование практики применения норм, содержащихся в статье 225⁷ АПК РФ, показало, что далеко не всегда разные окружные суды применяют их одинаково: в частности, это касается порядка созыва общего собрания в организационно-правовых формах корпорации, отличных от акционерного общества.

Например, в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10 июня 2020 г. по делу № А33-22793/2019⁶ указано, что суд может возложить на лицо обязанность созвать общее собрание участников ООО, поскольку решение о созыве либо об отказе в созыве единоличным исполнительным органом общества не принималось. Далее следует ссылка окружного суда на разъяснения, содержащиеся в пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁷.

Однако понуждение к созыву общего собрания в судебном порядке в отношении ООО возможно лишь при наличии решения единоличного исполнительного органа ООО об отказе в созыве либо решении о созыве, но, например, по вопросам, не отражающим повестку дня лица, требующего созыва, в иные сроки и т.д. Само по себе отсутствие какого-либо решения единоличного исполнительного органа ООО не позволяет применять способ защиты права, предусмотренный ст. 225⁷ АПК РФ, поскольку иное противоречило бы вышеуказанным разъяснениям высших судебных инстанций, требующим наличия этого самого оспариваемого решения.

¹ Российская газета. 22 июля 2009 г.

² Российская газета. 27 июля 2002 г.

³ См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 384664-4 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4>

⁴ Российская газета. 25 декабря 1995 г.

⁵ См.: Письмо Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2007 г. № 463-2/общ. // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4>

⁶ Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Российская газета. 27 января 2000 г.

Напротив, следует признать обоснованной сложившуюся в Арбитражном суде Поволжского округа⁸ практику применения законоположений Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁹, который не устанавливает возможность требовать по суду понуждения к созыву общего собрания участников ООО, а лишь в отсутствие решения позволяет лицу, требующему такого созыва, самостоятельно созвать общее собрание.

Если говорить о понуждении акционерного общества в судебном порядке к созыву общего собрания участников подробнее, следует упомянуть о возможных случаях, предусмотренных Законом об АО.

Так, помимо классического способа понуждения, упомянутого в пункте 8 ст. 55 Закона об АО, имеется и другой, прописанный в пункте 6 ст. 53, по которому в случае принятия советом директоров (наблюдательным советом) общества решения об отказе во включении предложенного вопроса в повестку дня общего собрания акционеров или кандидата в список кандидатур для голосования по выборам в соответствующий орган общества либо в случае уклонения совета директоров (наблюдательного совета) от принятия такого решения акционер вправе обратиться в суд с требованием о понуждении общества включить предложенный вопрос в повестку дня или кандидата в список кандидатур для голосования по выборам в соответствующий орган общества. Такие же права предоставлены и ревизионной комиссии в силу пункта 5 ст. 85 Закона об АО.

Вместе с тем пункт 6 ст. 53 Закона об АО — это чуть ли не единственный предусмотренный законодательством случай, указывающий на возможность применения судом распорядительных действий по проведению общего со-

брания акционеров, а не внеочередного общего собрания. Другие перечисленные выше нормы Закона об АО прямо предусмотрены для понуждения акционерного общества к созыву внеочередного общего собрания акционеров.

В связи с этим и с учетом анализа арбитражной практики следует упомянуть об имеющемся противоречии между Законом об АО, упоминающим случаи требования акционерами или органами управления АО созыва в судебном порядке внеочередного общего собрания акционеров, и статьей 225⁷ АПК РФ, которая толкуется расширительно и позволяет хоть и редко, но понуждать акционерное общество созывать годовое общее собрание, не ограничиваясь внеочередными¹⁰.

Здесь думается обоснованным восполнить пробел в Законе об АО, добавив в его статью 47 положение о возможности акционеров, обладающих не менее 10% голосующих акций, и органов управления требовать в судебном порядке понуждения провести годовое общее собрание акционеров, если такое не было проведено в установленные законом и учредительными документами хозяйственного общества сроки. Это будет в полной мере коррелировать с имеющейся правоприменительной практикой, разрешающей понуждать в судебном порядке к проведению годового общего собрания акционеров без явных к тому указаний в действующей редакции Закона об АО.

Субъектный состав

В деле о понуждении юридического лица к созыву общего собрания участников истцами могут быть акционеры, являющиеся владельцами не менее чем 10% голосующих акций общества на дату предъявления требования, и органы управления АО. При этом не следует полагать, что конкретно у органов управления, обратившихся с иском о понуждении к юридическому лицу, появляется какая-либо самостоятельная процессуальная правоспособность, существую-

⁸ См.: постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 11 ноября 2016 г. № Ф06-13826/2016 по делу № А06-2932/2016, от 19 декабря 2018 г. № Ф06-41598/2018 по делу № А12-21653/2018, от 16 декабря 2019 г. № Ф06-55411/2019 по делу № А12-15660/2019 // Документы опубликованы не были. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Российская газета. 17 февраля 1998 г.

¹⁰ См.: Определения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2012 г. № ВАС-475/12, от 15 ноября 2013 г. № ВАС-11335/12 // Документы опубликованы не были. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

субъектный состав

список кандидатур

распорядительные действия

щая в отрыве от самого юридического лица. При подаче такого иска они не становятся самостоятельными субъектами гражданско-правовых (в данном случае корпоративных) правоотношений. Напротив, при этом они преследуют цели защиты интересов юридического лица и ни в коем случае не подрывают его организационное единство.

Поэтому процессуальный статус органов юридического лица по такой категории дел наиболее близок к статусу лиц, обращающихся в интересах других лиц, притом что статья 53 АПК РФ не включает органы юридического лица по данной категории дел в число процессуальных истцов¹¹.

Лицом, требующим понуждения юридического лица к созыву общего собрания участников, может быть любой акционер, являющийся владельцем не менее 10% голосующих акций общества на дату предъявления требования

Поскольку ответчиком в порядке статьи 225⁷ АПК РФ является само юридическое лицо, образуется ситуация, которая не совсем согласуется с доктриной процессуального права, так как иск подается от имени и в интересах субъекта, являющегося одновременно ответчиком по делу.

Некоторые процессуалисты и вообще оспаривают эту теорию, трансформирующую косвенные иски в прямые и обязывающую суды делать ответчиками само общество, а не членов совета директоров (наблюдательного совета)¹².

Думается, что в целях практического применения решения суда о понуждении общества созвать общее собрание акционеров и его последующего прикладного значения для участников оборота нужно в какой-то степени пожертвовать

юридической чистотой процессуальной доктрины, допустив индивидуализацию ответчика (юридического лица) в виде его органа управления, состоящего из конкретных физических лиц.

Стоит отметить, что лицом, требующим понуждения юридического лица к созыву общего собрания участников, может быть любой акционер, являющийся владельцем не менее 10% голосующих акций общества на дату предъявления требования, поскольку в силу пункта 2 ст. 31 Закона об АО акционеры – владельцы обыкновенных акций общества могут в соответствии с настоящим Федеральным законом и уставом общества участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции, лишение же такого права путем непроведения (несозыва) общего собрания свидетельствует о нарушении права акционеров на участие в управлении обществом и тем самым позволяет акционерам обращаться с иском к обществу в рамках статьи 225⁷ АПК РФ.

При этом право на иск появляется не только в случае отсутствия как такового решения об отказе в проведении общего собрания акционеров, но и когда оно есть, но не содержит в себе достаточных оснований для отказа¹³.

Решение суда и порядок его исполнения

Судебный акт арбитражного суда, рассмотревшего спор в порядке статьи 225⁷ АПК РФ, должен содержать указание на лицо, обязанное организовать и провести общее собрание акционеров, сроки и порядок проведения общего собрания акционеров.

Здесь важно сказать, что хотя суд и устанавливает некие организационные правила принудительного проведения общего собрания акционеров, но он вообще не подменяет органы управления обществом. В связи с этим суды не должны разрешать вопросы при определении порядка подготовки общего собрания, который не входит в порядок проведения

¹¹ См.: Юдин А. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24.

¹² См.: Роголева М.А. Виды косвенных исков в сфере рынка ценных бумаг (подготовлено для СПС «КонсультантПлюс» в 2016 году).

¹³ См.: абзац второй п. 27 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

собрания¹⁴, а именно в отношении случаев, указанных в статье 54 Закона об АО.

Согласно пункту 9 ст. 55 Закона об АО в решении суда о понуждении общества провести внеочередное общее собрание акционеров указываются сроки и порядок его проведения; исполнение решения суда возлагается на истца либо по его ходатайству на орган общества или иное лицо при условии их согласия. Дата проведения внеочередного общего собрания акционеров определяется судами с учетом положений статей 52–55 Закона АО и учредительных документов акционерного общества¹⁵.

Важно, что само по себе решение суда о понуждении юридического лица к созыву общего собрания его участников ни в коей мере не легитимизирует принятые на нем решения, которые, в свою очередь, на общих основаниях могут подлежать проверке на предмет их действительности и обоснованности в порядке главы 9¹ Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁶.

Еще одной особенностью рассмотрения дел в порядке статьи 225⁷ АПК РФ является то, что на самого истца может быть возложена обязанность по проведению общего собрания участников юридического лица, т.е. лицо, обратившееся в суд, становится одновременно обязанным по суду.

Помочь в исполнении понуждения общества провести общее собрание акционеров может обращение с исполнительным листом в Федеральную службу судебных приставов, распорядительные полномочия которой способствуют своевременному приведению в исполнение решения арбитражного суда в рамках статьи 225⁷ АПК РФ¹⁷.

В исполнительном листе, выдаваемом взыскателю по делу, суду следует с учетом непосредственных субъектов спорных корпоративных отношений индивидуализировать должника, выступающего стороной в исполнительном производстве, в особенности в ситуации возложения судом обязанности на само общество в виде органа управления (например, единоличный исполнительный орган, коллегиальный исполнительный орган). Для правильного и точного исполнения требования, содержащегося в исполнительном документе, важно указать непосредственно ответственное физическое лицо либо лиц, составляющих орган управления, тем самым облегчив задачу судебному приставу-исполнителю.

Стоит обратить внимание, что само по себе немедленное исполнение решения суда, принятого в рамках статьи 225⁷ АПК РФ, не исключает возможности его обжалования по сокращенным срокам (10 дней) в апелляцию и кассацию.

Представляется, что в корректировке и устранении терминологической неточности нуждается часть 5 ст. 225⁷ АПК РФ, которая гласит: «Постановление арбитражного суда апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на решение о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников может быть обжаловано в арбитражный суд кассационной инстанции в течение десяти дней со дня принятия данного решения (курсив наш. – Р.Д.)». Выделенную фразу следует изменить на «со дня принятия данного постановления», поскольку очевидно, что суд апелляционной инстанции в этом случае по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на решение арбитражного суда принимает судебный акт в форме постановления.

В заключение хотелось бы отметить, что немногочисленность судебной практики кассационных судов по применению статьи 225⁷ АПК РФ не умаляет значение и важность правоотношений, охраняемых этими положениями закона. Напротив, это обстоятельство свидетельствует о стабильности правового регулирования в данной сфере. □

¹⁴ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 марта 2013 г. № ВАС-2013/13 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: постановление ФАС Поволжского округа от 13 декабря 2012 г. по делу № А57-14905/2012 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Российская газета. 8 декабря 1994 г.

¹⁷ См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 июня 2018 г. № Ф04-2171/2018 по делу № А27-24231/2017 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

судебная практика

юридическое лицо

апелляционная инстанция

Правила Инкотермс 2020

Ольга Андреевна Каменская
юридическое бюро «Мозго и партнеры»,
юрист
г. Москва, Россия

Аннотация. Правила Инкотермс обновляются Международной торговой палатой примерно раз в десять лет. В 2020 году выпущена новая редакция Правил – Инкотермс 2020. В статье приводится их обзор и анализируются основные изменения по сравнению с редакцией 2010 года.

Ключевые слова: Инкотермс, договор международной купли-продажи товаров, торговый обычай

Incoterms 2020 Rules

Olga Andreevna Kamenskaya, Law office "Mozgo and Partners", lawyer, Master of Laws (RSPHP), Moscow, Russia

Annotation. The Incoterms Rules are updated by the International Chamber of Commerce approximately every ten years. In 2020, a new edition of the Rules was released - Incoterms 2020. The article provides an overview thereof and analyzes the main changes compared with its 2010 edition.

Keywords: Incoterms, contract for the international sale of goods, trade custom

Международные коммерческие правила Инкотермс (*International Commercial Terms*, международные торговые условия) представляют собой набор систематизированных торговых терминов, содержащих распространенные и часто используемые коммерческие условия. В начале 2020 года Международная торговая палата (*International Chamber of Commerce, ICC*) выпустила обновленные правила *Incoterms® 2020*¹ (далее – Инкотермс 2020), пришедшие на смену редакции 2010 года. Каждая новая редакция Инкотермс призвана отражать основные изменения коммерческой практики. Кроме этого, ICC стремится сделать Правила более удобными для пользователей. Именно эти предпосылки и послужили основой для ключевых изменений в Инкотермс 2020.

1. Применение Инкотермс к договору

Появление новой редакции Инкотермс не отменяет действие более ранних редакций Правил. Стороны по-прежнему могут ссылаться в договорах на предыдущие редакции, а оговорки, содержащиеся в уже заключенных контрактах, сохраняют силу.

Стороны выражают волю на использование Инкотермс путем включения ссылки на выбранный термин в текст контракта. ICC рекомендует² использовать следующую устойчивую формулу-ссылку: торговый термин, место (порт, пункт, либо адрес) и редакция правил Инкотермс с указанием года. Например: *CIF Moscow Incoterms® 2020*.

Отступление от рекомендованной оговорки ICC само по себе не препятствует применению к договору правил Инкотермс. Как разъяснено в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»³, если стороны ис-

пользовали в договоре торговые термины, содержащиеся в Инкотермс (*Incoterms*), однако не сделали ссылку на эти Правила, то при отсутствии доказательств иного намерения сторон считается, что сторонами согласовано применение к их отношениям Инкотермс в редакции, действовавшей на дату заключения договора (п. 11 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴). В этом случае положения Инкотермс имеют приоритет перед диспозитивными нормами договорного статута. По этому вопросу также существует международная судебная практика⁵ по спорам из Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года⁶ (далее – Венская конвенция 1980). Суды находили возможным применение правил Инкотермс в качестве подразумеваемого торгового обычая на основании статьи 9 (2) Венской конвенции 1980⁷.

2. Термины правил Инкотермс 2020

Инкотермс 2020, как и редакция 2010 года, содержат 11 торговых терминов с группировкой их на две группы в зависимости от вида транспорта: морской и неморской (см. таблицу).

Каждый термин сопровождается пояснением для пользователей. Обновлен порядок изложения пунктов в рамках термина: вначале указаны наиболее важные условия об основных обязанностях сторон по поставке товара, оплате покупной цены и переходе рисков. После следуют положения, касающиеся сопутствующих договоров (перевозка, страхование), транспортных документов, таможенной очистки, упаковки, расходов и извещений.

⁴ Российская газета. 28 ноября 2001 г.

⁵ UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 2016. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/cisg_digest_2016.pdf. P. 66.

⁶ Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

⁷ См.: решение МКАС при ТПП РФ от 6 июня 2000 г. по делу № 406/1998. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000606r1.html>; St. Paul Guardian Insurance Company et al. v. Neuromed Medical Systems & Support et al. United States 26 March 2002 Federal District Court [New York]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/020326u1.html>; China North Chemical Industries Corporation v. Beston Chemical Corporation. United States 7 February 2006 Federal District Court [Texas]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/060207u1.html>

¹ При подготовке статьи использованы официальный текст правил Инкотермс 2020 и перевод на русский язык, опубликованные в издании: *Incoterms® 2020. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов*. Публикация ICC № 723ER = *Incoterms® 2020. ICC Rules for the use of domestic and international trade terms*. ICC Publication № 723 / пер. с англ. Н.Г. Вилковой. М., 2020.

² См.: *Incoterms® 2020. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов*... С. 9.

³ Российская газета. 17 июля 2019 г.

купляпродажатоваров
торговыйобычай
договормеждународный

Термины правил Инкотермс 2020 для всех видов транспорта

EXW	Ex Works	Франко-завод
FCA	Free Carrier	Франко-перевозчик
CPT	Carriage Paid To	Перевозка оплачена до
CIP	Carriage and Insurance Paid to	Перевозка и страхование оплачены до
DAP	Delivered At Place	Поставка в месте назначения
DPU	Delivered at Place Unloaded	Поставка в месте назначения в выгруженном состоянии
DDP	Delivered Duty Paid	Поставка с оплатой пошлин

Термины правил Инкотермс 2020 для морского и внутреннего водного транспорта

FAS	Free Alongside Ship	Свободно вдоль борта судна
FOB	Free on Board	Свободно на борту
CFR	Cost and Freight	Стоимость и фрайт
CPT	Cost Insurance and Freight	Стоимость, страхование и фрайт

3. Пункт A9/B9: перечень расходов

Для удобства пользователей каждый термин Инкотермс 2020 дополнен пунктом A9/B9, в котором приведен единый закрытый перечень расходов сторон. Кроме этого, сохраняется указание на соответствующие расходы (например, по получению информации или по получению документа поставки) в отдельных пунктах. Таким образом, новая редакция Правил содержит как консолидированный список расходов, так и распределение расходов согласно обязанностям сторон.

4. Выдача бортового коносамента по термину FCA

Термин FCA Инкотермс 2020 предусматривает возможность выдачи бортового коносамента по запросу покупателя. Эта опция предназначена специально для ситуаций, при которых перевозка по термину FCA осуществляется полностью или частично морским транспортом.

По термину FCA товар передается продавцом перевозчику, номинированному покупателем. Место передачи товара может находиться в любом пункте, в том числе в месте нахождения продавца. Как правило, при передаче товара продавец получает от перевозчика расписку, которая подтверждает выполнение продавцом обязанности по поставке.

Если перевозка полностью или частично осуществляется морским транспортом, продавцу может потребоваться коносамент с

пометкой «на борту». Бортовой коносамент может быть необходим для предъявления в банк для документарного аккредитива или инаксо. Однако в силу того, что на практике передача товара по FCA считается выполненной еще до погрузки товара на судно, выдача продавцу бортового коносамента была незаконна. Для этих целей в FCA Инкотермс 2020 внесены поправки (п. A6/B6), позволяющие соглашаться в договоре о обязанности покупателя выдать перевозчику инструкции по передаче продавцу бортового коносамента после погрузки товара на судно.

Во введении к Инкотермс 2020 ICC отмечает возможные практические сложности использования нововведения: дата поставки в названный пункт и дата погрузки на судно в бортовой коносаменте, скорее всего, будут различаться, что может привести к затруднениям при работе с аккредитивом⁸.

5. Изменение страхового покрытия в CIP

Продавец по термину CIP Инкотермс 2020 должен обеспечить страхование товара в соответствии с максимальным страховым покрытием, предусмотренным оговоркой «А» (все риски) Института лондонских страховщиков (Institute Cargo Clauses Ассоциацией Ллойда / Международной ассоциацией андеррайтинга (LMA/IUA))⁹. Од-

⁸ См. Incoterms® 2020. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов. С. 41.

⁹ См. https://www.lloydsof.com/lma/underwriting/marine/ICC/ICC_Clauses_Project/Cargo_Clauses.asp.

нако допускается согласование и более низкого уровня страхового покрытия в договоре.

По термину *CIP* Инкотермс 2010¹⁰ достаточным считалось страхование с минимальным покрытием согласно оговорке «С» Института лондонских страховщиков. Увеличение страхового покрытия до максимального уровня позволит обеспечить интересы покупателей по договорам купли-продажи несырьевых товаров, поставка которых часто происходит на условиях *CIP*.

Как и в Инкотермс 2010, сумма страхования должна соответствовать предусмотренной в договоре цене товара плюс 10%. Страхование должно быть осуществлено в той же валюте, в которой определена цена товара в договоре купли-продажи.

6. Обязанность по перевозке в *FCA, DAP, DPU, DDP*

Термины *FCA, DAP, DPU* и *DDP* Инкотермс 2020 предоставляют возможность стороне, ответственной за организацию перевозки товара, осуществить перевозку также и собственными средствами, без привлечения стороннего перевозчика. В отличие от редакции Правил 2010 года, у продавца в терминах группы *D* (п. А4) и покупателя в термине *FCA* (п. Б4) теперь есть выбор: заключить договор перевозки с третьей стороной или организовать перевозку за свой счет.

В официальном переводе Инкотермс 2020 на русский язык в данных пунктах указано: «...за свой счет заключить или обеспечить заключение договора перевозки...»¹¹, что в некоторой степени искажает идею нововведения¹² и не в полной мере соответствует английскому тексту правил¹³.

ICC рекомендует¹⁴ использовать только официально утвержденный перевод правил Инкотермс, однако указывает, что официальным текстом Правил является текст на английском языке. Следуя этой логике, в случае расхождений между официаль-

ным переводом и англоязычной версией Правил текст на английском языке должен иметь преимущество. Это имеет особенное значение при расхождениях между английским текстом Правил и официальным переводом Инкотермс 2020 на русский язык.

7. Переименование *DAT* в *DPU*

Термин Инкотермс 2010 *DAT* (*Delivered At Terminal*, поставка на терминале) в новой редакции Правил переименован в *DPU* (*Delivered Place Unloaded*, поставка в месте назначения в выгруженном состоянии). Категория места поставки — транспортный терминал или иное место — не имеет значения. *DPU* — единственный термин Инкотермс 2020, налагающий на продавца обязанность выгрузить товар в месте поставки. По этому термину поставка с прибывшего транспортного средства должна состояться в выгруженном состоянии.

8. Безопасность

В отличие от предыдущей редакции Правил, положения о безопасности в Инкотермс 2020 сформулированы более четко и детально. Каждый термин Инкотермс 2020 (за исключением *EXW*) в пункте А4 дополнен указанием на обязанность продавца по соблюдению требований безопасности: «Продавец обязан соблюдать любые требования безопасности, связанные с транспортировкой до места назначения».

Пункты А7 терминов дополнены указанием на распределение обязанностей, связанных с безопасностью при прохождении экспортной/импортной очистки. Расходы, возникшие в связи с безопасностью транспортировки, поименованы в пунктах А9.

Таким образом, изменения правил Инкотермс 2020 носят скорее эволюционный, чем революционный характер. В отличие от предыдущих редакций, в Инкотермс 2020 не появилось новых терминов. Ни один термин не был удален. Обновления коснулись уже существовавших терминов и отдельных пунктов. Ключевыми новшествами являются увеличение страхового покрытия по термину *CIP*, более гибкое регулирование вопросов перевозки в *FCA, DAP, DPU* и *DDP* и возможность получения бортового коносамента по термину *FCA*. Правила также были обновлены с точки зрения удобства использования и сопровождаются развернутым пояснением для пользователей. ☑

¹⁰ См.: Инкотермс 2010. Публикация ICC № 715 = Incoterms® 2010. ICC Publication No. 715: правила ICC для использования торговых терминов в национ. и междунар. торговле: дата вступ. в силу 1 янв. 2011 г. / пер. с англ. Н.Г. Вилковой. М., 2011. С. 54 (п. А3 термина *CIP*).

¹¹ Incoterms® 2020. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов... С. 86 (п. А4 термина *DPU*).

¹² См.: Там же. С. 23–24.

¹³ «...Must contract or arrange at its own cost for the carriage of the goods...» (Там же. С. 288).

¹⁴ См.: <https://iccwbo.org/resources-for-business/incoterms-rules/incoterms-rules-copyright/>

требования безопасности
организация перевозки
транспортный терминал

Влияние судебной экспертизы на принятие решения по делам о защите нематериальных благ

Наталья Николаевна Ткачева

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права»,
кафедра гражданского процесса,
доцент
Юридическая клиника ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная академия права»,
координатор,
кандидат юридических наук
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье исследуются значение судебной экспертизы и ее влияние на принятие судом решения по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Анализируя судебную практику по данной категории дел, автор приходит к выводу, что в случаях распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, назначение судебной экспертизы нецелесообразно, а в ситуации высказывания нецензурных слов в адрес гражданина заключение эксперта является необходимым доказательством.

Ключевые слова: гарантии судебной защиты, судебная экспертиза, заключение эксперта, судебное решение

Impact of forensic expertise on the decision-making process in the cases relating to the protection of intangible goods.

Natalia Nikolaevna Tkacheva, FSBEI HE "Saratov State Academy of Law", The Chair of Civil Procedure, Assistant Professor, Legal clinic of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Academy of Law", coordinator, Candidate of Sciences (Law), City of Saratov, Russia

Annotation. The article examines the importance of forensic expertise and the impact thereof on the decision-making procedure of the courts in cases relating to the protection of honor, dignity and business reputation. Analysis of the judicial practices relating to the given category of cases has led the author to conclude that the dissemination of false information makes a forensic expertise inappropriate, and the opinion of an expert is viewed as sufficient evidence to be taken into account.

Keywords: guarantees of judicial protection, forensic expertise, expert opinion, court decision

Особую актуальность в последние годы приобретает судебная защита нематериальных благ граждан, а именно чести, достоинства и деловой репутации, в связи с чем интересным с практической и теоретической точки зрения представляется вопрос о влиянии судебной экспертизы, экспертного заключения на принятие решения по этой категории гражданских дел.

Для каждого человека нематериальные блага имеют несомненную ценность, а потому любое посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию должно влечь для посягнувшего на них лица неблагоприятные правовые последствия¹.

К сожалению, не существует четких правил, позволяющих однозначно определить, в каком случае честь, достоинство и деловая репутация будут нарушены, а в каком случае – нет.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.², говорится, что решение об удовлетворении соответствующего иска выносится судом при установлении совокупности трех условий:

- сведения в отношении истца должны носить порочащий характер;
- они должны быть распространены;
- они должны не соответствовать действительности.

Обязанность доказывания по этой категории дел распределяется следующим образом: заявитель обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений, а ответчик обязан доказать, что они соответствуют действительности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 7 Постановления от 24 февраля 2005 г. № 3

«О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»³ разъяснил, что понимается под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию граждан, – это изложение порочащих сведений в заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Порочащими честь, достоинство, деловую репутацию могут быть сведения не соответствующие действительности, т.е. утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Это могут быть сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, о неправильном, незачинном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

С учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации очевидно, что для принятия законного и обоснованного решения суду необходимо установить юридически значимые обстоятельства, т.е. произошло ли в действительности событие, которое, по мнению истца, порочит его честь, достоинство и деловую репутацию. Например, если ответчик обвиняет истца в воровстве денег, то этот факт может быть подтвержден исключительно вступившим в законную силу приговором суда (согласно части 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации⁴ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотрен-

¹ См.: Гулиева Н.Б. Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых способов защиты чести, достоинства и деловой репутации // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 14.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

³ Российская газета. 15 марта 2005 г.

⁴ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

ном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда). Если ответчик не сможет с помощью допустимых средств доказать свою позицию, то претензии истца о распространении недостоверных сведений будут считаться обоснованными и суд удовлетворит иски о возмещении вреда.

Таким образом, только анализ нормативно-правовых актов, законов и судебной практики в совокупности помогает выделить критерии, позволяющие выявить, имело ли место нарушение нематериальных благ, принадлежащих гражданину.

С точки зрения использования процессуальных средств доказывания важным представляется вопрос: всегда ли необходимо назначать судебную экспертизу по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации?

Полагаем, что в некоторых случаях это может быть не вполне оправданно и необходимо. Так, К. обратился в суд с иском к Б. о защите чести, достоинства, деловой репутации, взыскании компенсации морального вреда. Истец просил признать не со-

Заявитель обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений, а ответчик обязан доказать, что они соответствуют действительности

ответствующими действительности и порочащими его деловую репутацию как председателя ЖСК «Янтарный» сведения, изложенные в заявлении в управление МВД России: «...а деньги отмыли и обналичили». По ходатайству представителя истца была назначена судебная лингвистическая экспертиза, которая установила, что сведения, изложенные в заявлении, «относятся к [К.] как председателю ЖСК «Янтарный». Информация, выраженная в представленном высказывании, выражена в форме мнения и является субъективным мнением

авторов заявления»⁵. Позиция Европейского Суда по правам человека по делам о защите чести и достоинства однозначна. Рассматривая гражданские дела этой категории, суд должен разграничивать свободу выражения мнения между изложением фактов и оценочными суждениями. Факты могут быть доказаны, а правдивость оценочных суждений не поддается доказыванию. Свобода мнения, являющаяся основной частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)⁶, не может ограничиваться, даже если является чрезмерной⁷. Суд указал, что в данном споре имелась фактическая основа, сформировавшая личное отношение ответчика к истцу, которое ответчик был вправе выражать публично. И только благодаря тому, что истец с помощью свидетельских показаний доказал факт распространения ответчиком Б. сведений, не соответствующих действительности и содержащих в себе обвинения в совершении противоправных действий, требования были частично удовлетворены.

Этот пример из судебной практики не единичен. Так, С. предъявила иск к А. о защите чести, достоинства и деловой репутации. Ответчик распространила среди жильцов дома не соответствующую действительности информацию о том, что ремонт крыши над одной квартирой этого дома был осуществлен за счет управляющей компании. Суд частично удовлетворил требования истца, поскольку было доказано, что ремонт крыши над квартирой за счет управляющей компании не осуществлялся⁸.

⁵ Решение по гражданскому делу № 2-15/2020 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁷ Решение ЕСПЧ от 10 июня 2004 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 77062/01 «Галина Ивановна Чернышева (Galina Ivanovna Chernysheva) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 2.

⁸ Решение по гражданскому делу № 2-1746/2019 // Архив Фрунзенского районного суда г. Саратова.

Правовой нигилизм по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации порождает необоснованное обращение в суд, а в некоторых случаях прямое злоупотребление правом на судебную защиту. Сложившаяся ситуация трудно признать положительной и благоприятно влияющей на судебную нагрузку, поскольку суды вынуждены рассматривать необоснованные требования, предъявленные не с целью защиты нарушенного права, а с иной – например, запугать сторону или отомстить.

З. предъявил иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. Поводом для обращения в суд стала жалоба ответчицы на имя директора. К директору она обратилась с целью получить от него как от руководителя защиту от домогательств З., которые самостоятельно пресечь не могла из-за своей служебной зависимости от истца. Истец утверждал, что информация о домогательствах является клеветнической, однако из-за нее ему пришлось уволиться с работы и претерпеть нравственные страдания. Суд отказал в удовлетворении иска. В мотивировочной части решения суд указал, что истец не представил доказательств о том, что распространенная информация является утверждением о фактах. Суд также не установил фактов употребления в адрес истца ответчицей Б. оскорбительной лексики, содержащей отрицательную оценку личности и противоречащей правилам поведения, принятым в обществе. Кроме того, ответчик вправе была обращаться с критикой деятельности должностного лица в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц (ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁹)¹⁰.

Помимо распространения недостоверных сведений в отношении гражданина, существует еще один, наиболее распространенный способ посягательства на честь и достоинство – это оскорбление, для квалификации которого необходимо, чтобы унижение чести и достоинства произошло в неприличной форме. В связи с этим необходимо различать распространение ложных, порочащих другое

Только анализ нормативно-правовых актов, законов и судебной практики в совокупности помогает выделить критерии, позволяющие выявить, имело ли место нарушение нематериальных благ, принадлежащих гражданину

лицо сведений и оскорбление¹¹. В случае оскорбления одним гражданином другого негативное воздействие на честь, достоинство и деловую репутацию лица оказывает неприличная форма, в которой дается оценка.

На ответчика, допустившего высказывание в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

Что понимается под неприличной формой выражения? Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹² в статье 20.1 раскрывает понятие «мелкое хулиганство», под которым понимается нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к об-

⁹ Российская газета. 5 мая 2006 г.

¹⁰ Решение Саянского городского суда от 27 мая 2020 г. по делу № 2-177/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/QhAZNk5JO7LO/>

¹¹ См.: Рябченко А.Г., Кокова В.М. Гражданско-правовая защита в общем механизме юридической защиты чести, достоинства и деловой репутации // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 282.

¹² Российская газета. 31 декабря 2001 г.

честву, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам. Судебная практика под неприличной формой понимает негативную циничную отрицательную оценку личности потерпевшего (например, с использованием нецензурных выражений).

Так, А. обратилась в Заводской районный суд г. Саратова с иском заявлением в отношении И. о защите чести и достоинства, взыскании компенсации морального вреда. Поводом для обращения в суд явилась конфликтная ситуация, произошедшая в ГАУ Саратовской области «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» по месту работы истца. А. отказала И. в приеме документов, разъяснив ему необходимость их правильного оформления. Ответчик стал вести себя агрессивно, обзывать истца при посетителях и других сотрудниках МФЦ. В ходе рассмотрения гражданского дела по ходатайству истца была назначена судебная экспертиза. Согласно заключению эксперта, высказывание ответчика в адрес истца унижает ее честь и достоинство, поскольку выражает негативную оценку личности и имеет неприличную форму (характеризуется как бранное, нецензурное, оскорбительное). Исковые требования были удовлетворены¹³.

В то же время оскорбительные на первый взгляд слова могут таковыми и не являться. Например, Ю. обратился в суд с иском заявлением к К. о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда. Исковые требования были мотивированы тем, что при участии в другом гражданском деле в качестве представителей истец и ответчик провоцировали друг друга, у них возник конфликт, в результате чего истец написал возражения на апелляционную жалобу ответчика. К. указал в жалобе, что «хо-

чется порекомендовать совершенно запутавшемуся в своих заявлениях «порядочному», «добропорядочному» самопровозглашенному «правозащитнику»... научиться перестать безудержно клеветать, в надежде на получение искомого для него результата <...> устойчивое желание [Ю.] клеветать на всех и вся вызывает недоумение и зарождает сомнения в адекватности [Ю.] и в его психическом здоровье». По ходатайству ответчика была проведена лингвистическая экспертиза, по результатам которой «признаки оскорбительности, как-то: инвективно направленные обценные слова и выражения, утвердительные суждения о неподтвержденных фактах – не обнаружены»¹⁴.

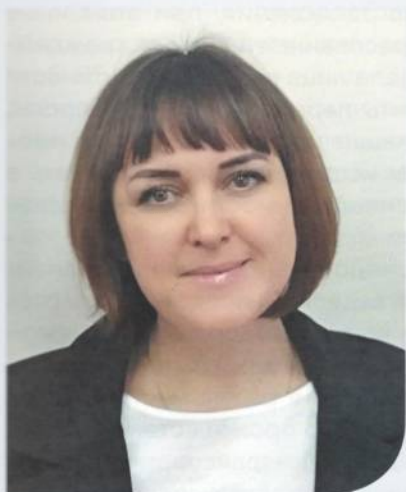
Исследование и анализ судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации свидетельствуют о многоаспектности этой категории споров и их неоднозначном разрешении в суде. Очевидно, что для многих граждан не так просто идентифицировать, нарушены его честь, достоинство и деловая репутация или нет. В некоторых случаях, добросовестно заблуждаясь о нарушении нематериальных благ, граждане обращаются за судебной защитой, а в результате получают отрицательное решение и несут процессуальные убытки в виде взыскания расходов на проведение судебной экспертизы.

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день в правоприменительной практике выработан механизм, который позволяет эффективно защищать нарушенные права граждан по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. В зависимости от предмета доказывания в одном случае, например при оскорблении гражданина, необходимо назначать экспертизу, а в другом, когда нужно доказывать отсутствие фактов в недостоверно распространенной информации, экспертиза не проводится. ❑

¹³ Решение Заводского районного суда г. Саратова от 14 июля 2020 г. по делу №2-917/2020 // https://zavodskoi--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73764551&delo_id=1540005&new=0&text_number=1

¹⁴ Решение Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 30 октября 2018 г. по делу № 2-690/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/WMGQzt9BQrmD/>

Внесудебное заключение эксперта в гражданском процессе

Ирина Петровна Агаркова
Саратовский областной суд,
судья
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой заключения эксперта, полученного по результатам проведения судебной экспертизы, в качестве доказательства, с соотношением судебной экспертизы и внесудебного исследования, а также с процессуальным статусом внесудебного заключения эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, внесудебное заключение эксперта

Extrajudicial opinion of an expert in civil proceedings

Irina Petrovna Agarkova, Saratov Regional Court, judge, City of Saratov, Russia

Annotation. The article analyses the assessment of the expert's opinion obtained through the forensic expertise as the evidence as compared with the forensic expertise and extrajudicial research, as well as with the procedural status of an extrajudicial opinion of an expert.

Keywords: forensic expertise, expert, extrajudicial expert opinion

Судебная экспертиза является процессуальной формой использования специальных знаний. С развитием технологий и экспертных методик ее роль в гражданском процессе значительно возросла, а необходимость использования специальных познаний при разрешении споров по гражданским делам стала очевидной.

В настоящее время представляется дискуссионным вопрос о соотношении судебной экспертизы как процессуальной формы получения специальных знаний, с такой непроцессуальной формой, как внесудебное заключение эксперта.

Участниками гражданского процесса в ряде случаев внесудебное заключение эксперта отождествляется с заключением эксперта, полученным по результатам проведения судебной экспертизы. Вместе с тем между ними существует ряд отличий.

Исходя из системного толкования части 1 ст. 55, части 2 ст. 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ), доказательством по делу является заключение эксперта, полученное при рассмотрении гражданского дела на основании определения суда о назначении судебной экспертизы, тогда как внесудебное исследование проводится экспертом по инициативе субъектов спорного правоотношения, без соответствующего судебного акта, до обращения в суд или в процессе рассмотрения гражданского дела судом.

Вопрос о назначении судебной экспертизы решается в судебном заседании при процессуальном участии всех заинтересованных в исходе дела лиц, а также достаточности материалов для ее проведения в гражданском деле. В силу части 2 ст. 79, части 3 ст. 84 ГПК РФ при проведении судебной экспертизы каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению, просить суд назначить проведение экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении или поручить ее конкретно-

му эксперту, заявлять отвод эксперту, формулировать вопросы для эксперта, знакомиться с определением суда о назначении экспертизы и со сформулированными в нем вопросами, знакомиться с заключением эксперта. Лица, участвующие в деле, также вправе присутствовать при проведении экспертизы.

Внесудебное экспертное исследование, как правило, проводится на основании материалов, представленных субъектом спорного материального правоотношения, заключившим договор с экспертным учреждением, что влияет на полноту и обоснованность данного заключения, при этом иные заинтересованные в исходе гражданского дела лица лишены возможности поставить перед экспертом вопросы, подлежащие разрешению при проведении исследования, и осмотреть в случае необходимости объект исследования.

Так, довольно распространены в судебной практике являются случаи, когда при обращении с иском о взыскании материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, к виновнику дорожно-транспортного происшествия, не застраховававшему риск своей гражданской ответственности, истец в обоснование заявленных исковых требований в суд представляет заключение эксперта о стоимости восстановительного ремонта транспортного средства с актом его осмотра без участия ответчика, при этом спорный автомобиль на момент обращения в суд истцом реализован, что исключает возможность его дальнейшего осмотра с участием ответчика и иных заинтересованных в исходе дела лиц². Это обстоятельство свидетельствует о нарушении принципа состязательности в гражданском процессе.

Также в судебной практике встречаются примеры, когда эксперт во внесудебном порядке проводит почерковедческое исследование подписи на документе, по результатам

² См., например: решение Заводского районного суда г. Саратова от 18 сентября 2019 г. по делу № 2-2580/2019 // Текст решения доступен на сайте суда: <https://zavodskoi-sar.sudrf.ru>

¹ Российская газета. 20 ноября 2002 г.

которого выдает заключение без получения свободных и экспериментальных образцов почерка для последующего сравнительного исследования³. Вместе с тем при проведении судебной почерковедческой экспертизы получение судом образцов почерка для сравнительного исследования документа и подписи на документе является процессуальным действием, порядок проведения которого регламентирован в статье 81 ГПК РФ.

В отличие от эксперта, проводящего судебную экспертизу, на эксперта при проведении внесудебного исследования не распространяются обязанности, предусмотренные статьей 85 ГПК РФ, он не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что в значительной степени снижает уровень ответственности за проведенное исследование. Кроме того, законодателем не закреплена обязанность эксперта, проводящего внесудебное исследование, приобщить к своему заключению документы, подтверждающие полномочия на проведение необходимого вида исследования, квалификацию, а также сведения о профессиональной подготовке. Отсутствие перечисленных документов лишает внесудебное исследование статуса доказательства по гражданскому делу.

В связи с изложенным возникает обоснованный вопрос: следует ли рассматривать внесудебное заключение эксперта в качестве доказательства, аналогичного заключению судебной экспертизы?

Существует несколько точек зрения на эту проблему. Так, Е.Р. Россинская отмечает, что «предварительные исследования с использованием судебно-экспертных методик не имеют доказательственного значения». Свою позицию она обосновывает тем, что «закон не предоставляет права сторонам назначать экспертизу, они могут только ходатайствовать о ее назна-

чении и кандидатуре эксперта перед судом»⁴.

По мнению И.В. Заболоцкой, «суд может рассматривать заключение эксперта в качестве доказательства в процессе либо назначить экспертизу в качестве процессуального действия», а если представленное заключение имеет расхождения с заключением эксперта, полученным в соответствии с определением суда, то оно может служить основанием для назначения судом дополнительной или повторной экспертизы⁵.

А.Е. Галинская предлагает рассматривать представленное по инициативе стороны заключение в качестве письменного доказательства⁶.

В судебной практике существует позиция, изложенная в пункте 13 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства

При отсутствии законодательного регулирования внесудебное заключение эксперта не может рассматриваться как доказательство, сходное по своему содержанию и значению с судебной экспертизой

об экспертизе»⁷, согласно которой заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, не может признаваться экспертным заключением по рассматриваемому делу. Оно может быть признано судом иным документом,

³ См., например: решение Заводского районного суда г. Саратова от 14 октября 2019 г. по делу № 2-2529/2019 // Текст решения доступен на сайте суда: <https://zavodskoi--sarsudrf.ru>

⁴ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2009. С. 315.

⁵ Заболоцкая И.В. Экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9. С. 20–22.

⁶ См.: Галинская А.Е. Правовые основы использования специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 3. С. 20–24.

⁷ Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

допускаемым в качестве доказательств в соответствии со статьей 89 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁸.

Постановления Пленума и Обзоры Верховного Суда Российской Федерации не содержат разъяснений по указанному вопросу.

Согласно сложившейся в судах общей юрисдикции судебной практике с целью соблюдения баланса прав и обязанностей сторон по гражданскому делу, законности и обоснованности судебного постановления суды при

От правильности и обоснованности заключения эксперта, оценки его судом зависит законность и обоснованность принятого по делу судебного постановления

наличии в материалах внесудебного заключения эксперта, не отвечающего требованиям статей 59, 60, 86 ГПК РФ, а также при наличии противоречий в нескольких внесудебных заключениях экспертов решают вопрос о назначении по делу судебной экспертизы, что в последнем случае соответствует правовой позиции, изложенной в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2019 г. по делу № 56-КГ19-16⁹. Если внесудебное заключение эксперта соответствует указанным требованиям закона, лицами, участвующими в деле, ходатайство о назначении судебной экспертизы не заявляется. Если сторона признает выводы, изложенные во внесудебном заключении эксперта, обстоятельствами, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, то суды оценивают внесудебное заключение эксперта как

доказательство по делу наряду с другими доказательствами.

Изложенное выше свидетельствует о том, что разрешение вопроса о процессуальном статусе внесудебного заключения эксперта требует законодательного закрепления. Представляется, что при отсутствии законодательного регулирования внесудебное заключение эксперта не может рассматриваться как доказательство, сходное по своему содержанию и значению с судебной экспертизой.

Несмотря на значительную роль судебной экспертизы в гражданском процессе, она не является исключительным средством доказывания и подлежит оценке в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ).

Следует отметить, что от правильности и обоснованности заключения эксперта, оценки его судом зависит законность и обоснованность принятого по делу судебного постановления. При этом не допускается произвольная оценка судом заключения эксперта, поскольку этот вид доказательства подлежит тщательному анализу в совокупности с другими имеющимися в гражданском деле доказательствами с учетом норм материального права, регулирующих спорные правоотношения. В то же время немотивированное исключение заключения эксперта из числа доказательств также недопустимо.

Таким образом, проведение судебной экспертизы и оценка заключения эксперта судом в совокупности являются важными средствами доказывания в гражданском процессе, влияющими на результат рассмотрения гражданского дела в суде и обоснованность судебного постановления. При этом в отсутствие законодательного регулирования вопроса о доказательственном значении внесудебного заключения эксперта для судов оценка данной непроцессуальной формы получения специальных знаний затруднена. □

⁸ Российская газета. 27 июля 2002 г.

⁹ См.: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1835386

Роль суда при назначении судебной экспертизы в гражданском процессе

Оксана Владимировна Пучкова
Ясногорский районный суд Тульской области,
судья
г. Тула, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы реализации принципа судейского руководства процессом, в частности важность активной позиции суда как условия эффективности правосудия по гражданским делам. Автор исследует роль суда при назначении судебной экспертизы в гражданском процессе и приводит актуальные примеры из судебной практики, иллюстрирующие реализацию исследуемого принципа в соответствующих случаях.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судейское усмотрение, судейское руководство процессом

The role of court to order a forensic examination in civil proceedings

Oksana Vladimirovna Puchkova, Yasnogorsk District Court of the Tula Region, judge, city of Tula, Russia

Annotation. This article examines the implementation of the principle of judicial management of the process, in particular, the importance of an active role of courts as a prerequisite for the effective administration of justice on civil matters. The author examines the role of courts to order a forensic expertise in civil proceedings and gives relevant cases of the judicial practices to illustrate the implementation of the principle in question.

Keywords: forensic examination, judicial discretion, judicial management of the process

Закрепленному в Конституции Российской Федерации принципу состязательности и равноправия сторон (ст. 123) корреспондирует принцип судейского руководства процессом, установленный в части 2 ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ): сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, суд осуществляет руководство процессом и создает условия для установления фактических обстоятельств при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Реализации указанного положения служит, в частности, предусмотренное статьей 79 ГПК РФ полномочие суда назначить экспертизу. При этом, учитывая приоритет достижения задач гражданского судопроизводства, в контексте данного принципа имеет важное значение активная позиция суда в процессе назначения экспертизы, несмотря на предоставленное сторонам право свободного распоряжения предоставленными процессуальными средствами защиты.

Право ли суда решить, назначать или не назначать экспертизу?

Статьей 79 ГПК РФ предусмотрено, что назначение экспертизы является именно правом, а не обязанностью суда. Экспертиза может быть назначена как по ходатайству одной из сторон, так и по собственной инициативе суда, что является важным аспектом принципа судейского руководства процессом.

Обладая судейским усмотрением, суд при разрешении гражданских дел обязан: (1) определить юридически значимые обстоятельства дела, (2) установить, нет ли необходимости в назначении судебной экспертизы (т.е. разрешении в предусмотренном законом порядке вопросов, требующих специальных знаний), и (3) вынести данный вопрос на обсуждение сторон в соответствии с частью 2 ст. 56 ГПК РФ.

Нарушение судами первой и апелляционной инстанций вышеприведен-

ных положений, принятие судебных актов без разрешения указанного вопроса, невынесение его на обсуждение сторон оставляет нереализованным принцип судейского руководства процессом и влечет отмену судебных актов вышестоящими судами.

Так, предметом проверки Верховного Суда Российской Федерации являлись судебные акты по делу о возмещении убытков, причиненных пожаром. Отменяя их и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, Верховный Суд Российской Федерации отметил: суду не было представлено доказательств того, что причиной возгорания послужило неисполнение или ненадлежащее исполнение ответчиком обязательств по обслуживанию газового оборудования, выполнению проекта его реконструкции, монтажных работ, а также не было указано, какие конкретно требования технических норм и правил нарушены, однако суд не поставил на обсуждение сторон вопрос о назначении соответствующей судебной экспертизы². Аналогичные обстоятельства послужили основанием для отмены состоявшихся судебных актов Верховным Судом Российской Федерации по делам о возложении обязанности снести реконструируемое нежилое здание³, об определении границ земельного участка, признании права общей долевой собственности⁴.

Таким образом, принятие решения о необходимости назначения судебной экспертизы является одним из правомочий суда при реализации принципа судейского руководства процессом. При этом складывающейся судебной практикой неоднократно подтверж-

судебная экспертиза
судейское усмотрение
руководство процессом

¹ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 8-КГ19-2-К8 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 53-КГ19-2 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 5-КГ19-77 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

дено, что реализация этого принципа не является произвольной, а основана на определении судом обстоятельств, которые имеют значение для дела; стороны, которой надлежит их доказывать, и необходимости доведения до сторон указанных обстоятельств.

Определение судебно-экспертного учреждения

Если суд ставит на обсуждение сторон вопрос о назначении экспертизы либо одной из сторон или ими обеими заявляется соответствующее ходатайство, суду следует определить, каким конкретно судебно-экспертным учреждением или экспертом должна быть проведена экспертиза.

При решении указанного немаловажного вопроса также проявляется принцип судейского руководства процессом: несмотря на ограничение полномочий по самостоятельному сбору доказательств, суд не связан позицией сторон при выполнении процессуальной обязанности вынести на обсуждение вопрос о поручении экспертизы тому или иному экспертному учреждению или эксперту.

Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии жалобы гражданки Н.В. Силковой, оспаривающей конституционность статьи 79 «Назначение экспертизы» и статьи 85 «Обязанности и права эксперта» ГПК РФ, указал, что реализации положения, закрепленного в статье 12 ГПК РФ, наряду с правом и обязанностью суда назначить при разрешении гражданско-правового спора экспертизу, служат части 1 и 2 ст. 79 Кодекса, закрепляющие также обязанность суда определять, в каком конкретно судебно-экспертном учреждении или каким конкретно экспертом должна быть проведена экспертиза. Предусмотренное данной статьей полномочие суда по назначению экспертизы с поручением ее проведения конкретному эксперту вытекает из принципа самостоятельности суда, который при рассмотрении конкретного дела устанавливает обстоятельства, оценивает имеющиеся в деле доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объек-

тивном и непосредственном исследовании, и с учетом этих доказательств принимает решение. Будучи следствием принципа судейского руководства процессом, такое регулирование направлено на достижение задачи гражданского судопроизводства по правильному разрешению гражданских дел (ст. 2 ГПК РФ) и является процессуальной гарантией права граждан на судебную защиту⁵. Аналогичная позиция высказывалась Конституционным Судом Российской Федерации и ранее⁶.

Указанному подходу следует и судебная практика. Отклоняя доводы стороны о несогласии с выбором экспертного учреждения, Тверской областной суд исходил из того, что поручение экспертизы другому экспертному учреждению, нежели тому, о котором просила сторона, не является основанием для отмены решения суда, поскольку положения части 2 ст. 79 ГПК РФ не обязывают суд поручать проведение экспертизы только эксперту из числа лиц и организаций, предложенных сторонами⁷. Аналогичная позиция нашла отражение и в иных судебных актах⁸. В частности, Первый кассационный суд общей юрисдикции⁹, рассмотрев кассационную жалобу по делу о признании права собственности на гараж, также указал, что статья 79 ГПК РФ, предусматривая право каждой стороны предложить свою кандидатуру эксперта или экспертного учреждения, не обязывает

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 1575-О // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1585-О // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Тверского областного суда от 20 ноября 2014 г. № 33-4063 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 г. № 88-13026/2020, от 20 ноября 2019 г. № 88-386/2019 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2020 г. № 88-9273/2020 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

процессуальная обязанность

позиция сторон

выбор учреждения

суд поручать проведение экспертизы только эксперту из числа лиц и организаций, предложенных сторонами, право выбора экспертного учреждения принадлежит суду. Помимо этого, суд кассационной инстанции подчеркнул, что положения статьи 80 ГПК РФ не содержат указаний на обязательное наличие в определении суда о назначении экспертизы мотивов, по которым суд выбрал то или иное экспертное учреждение (эксперта).

В то же время выбор экспертного учреждения или эксперта судом не является произвольным, суд в соответствии с предоставленными ему полномочиями надлежащим образом выясняет, имеют ли то или иное экспертное учреждение, эксперт право на проведение соответствующего вида экспертиз; обладает ли экспертное учреждение специалистами, имеющими познания в соответствующих областях. Невыяснение судом этих сведений влечет признание полученного экспертного заключения недопустимым и, как следствие, отмену состоявшихся судебных актов¹⁰.

Суд учитывает и иные обстоятельства, которые не являются решающими, однако в своей совокупности позволяют принять обоснованное решение по данному вопросу. В частности, к таковым относятся территориальное расположение экспертного учреждения, сроки проведения экспертизы (выяснение этих обстоятельств обусловлено необходимостью рассмотрения дела в разумные сроки) и иные обстоятельства.

Определение окончательного круга вопросов для экспертизы

Судейское усмотрение реализуется и при определении окончательного круга вопросов, поставленных перед экспертом. Так, признавая несостоятельными доводы кассационной жалобы о том, что при назначении по делу

судебной экспертизы в окончательный список вопросов не были включены вопросы, предложенные представителем ответчика, суд кассационной инстанции сослался на положения части 2 ст. 79 ГПК РФ, предусматривающей определение судом окончательного круга вопросов, по которым требуется заключение эксперта¹¹.

Как упоминалось выше, суд в обязательном порядке разрешает и иные вопросы, в том числе о дате, к наступлению которой заключение должно быть составлено и направлено экспертом в суд, назначивший экспертизу.

Определение стороны, которая производит оплату экспертизы

Как показывает судебная практика, проблемным является определение стороны, на которую возлагаются расходы по проведению экспертизы. Данный вопрос должен быть разрешен в определении суда о назначении экспертизы. Как же в этом случае работает принцип судейского руководства процессом?

По общему правилу, установленному частью 1 ст. 96 ГПК РФ, денежные суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам и специалистам, или другие связанные с рассмотрением дела расходы, признанные судом необходимыми, предварительно вносятся на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, стороной, заявившей соответствующую просьбу. Если указанная просьба заявлена обеими сторонами, требуемые суммы вносятся ими в равных частях.

Таким образом, расходы по оплате экспертизы возлагаются на лицо, заявившее ходатайство о ее назначении.

Так, суд кассационной инстанции признал законными выводы нижестоящего суда, который, назначая по делу судебную строительно-техническую экспертизу, руководствуясь

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 55-КГ20-3-К8 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2020 г. № 88-22803/2020 по делу № 2-348/2019 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

положениями статьи 79 ГПК РФ, исходил из того, что для правильного рассмотрения данного дела, учитывая несогласие ответчика с исковыми требованиями, требуются специальные познания, которыми суд не располагает. Поскольку ходатайство о назначении экспертизы заявлено ответчиком, суд, принимая во внимание существо спора, предложенные на разрешение экспертов вопросы, а также распределение бремени доказывания между сторонами по заявленным требованиям, обоснованно возложил обязанность по оплате расходов, связанных с проведением названной экспертизы, на ответчика¹².

Однако при назначении экспертизы по инициативе суда вопрос о ее оплате разрешается иным образом.

В случае если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, осуществляются по инициативе суда, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета (часть 2 ст. 96 ГПК РФ).

Из этого следует, что если вопрос о назначении экспертизы поставлен на обсуждение лиц, участвующих в деле, по инициативе суда, а не по ходатайству самих лиц, участвующих в деле, то суд не вправе возлагать на них обязанность возместить расходы на проведение экспертизы, данные расходы должны быть оплачены за счет средств федерального бюджета.

Такое толкование норм гражданского процессуального законодательства согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации¹³, согласно которой со стороны, в удовлетворении требований которой судом было отказано, не могут быть взысканы расходы на проведение экспертизы, назначенной по инициативе суда.

¹² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2020 г. № 88-21652/2020 по делу № 2-14/2020 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2318-О // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Возложение на стороны расходов на проведение экспертизы, назначенной по инициативе суда, когда стороны не заявляли соответствующих ходатайств и данный вопрос был поставлен на обсуждение сторон судом, не основано на нормах процессуального права¹⁴. Такая судебная практика складывается, например, в Тульской области. Возложение бремени несения расходов на проведение экспертизы при назначении экспертизы по инициативе суда повлекло отмену опре-

Принятие решения о необходимости назначения судебной экспертизы является одним из правомочий суда при реализации принципа судейского руководства процессом

деления в части разрешения данного вопроса по делу о признании недействительными договоров купли-продажи земельного участка и применении последствий недействительности ничтожной сделки¹⁵.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что правильное разрешение гражданских дел является одной из важнейших задач гражданского судопроизводства. В связи с этим, а также исходя из конституционного принципа подчинения судей только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (часть 1 ст. 120 Конституции), реализация при решении вопроса о назначении судебной экспертизы принципа судейского руководства процессом, в соответствии с предоставленными судом процессуальными правомочиями, является гарантией эффективного осуществления правосудия. □

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 49-КГ19-61 // Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2020 г. № 88-11087/2020 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 22 июля 2020 г. по делу № 33-1971/2020 // <https://obsud--tula.sudrf.ru/>

Проблемы назначения судебной экспертизы в административном судопроизводстве

Дмитрий Михайлович Абрамов
Ростовский областной суд,
судья
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье с учетом региональной практики разрешения административных дел, действующего правового регулирования ставятся на обсуждение возникшие процессуальные вопросы в связи со спецификой назначения, проведения судебных экспертиз по различным категориям споров.

Ключевые слова: административное судопроизводство, экспертиза, рыночная стоимость, судебные расходы

Orders for forensic expertise in administrative proceedings. Current issues

Dmitry Mikhailovich Abramov, Rostov Regional Court, judge, city of Rostov-on-Don, Russia

Annotation. The article draws attention to the current procedural issues relating to the specific nature of orders for the forensic expertise with regard to various categories of disputes and with due account given to the regional practices in settling administrative cases and current legal regulations.

Keywords: administrative proceedings, expertise, market value, court expenses

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена не только общим количеством рассматриваемых с использованием специальных познаний административных дел, но и необходимостью выявления сложившихся тенденций, вырабатываемых судами подходов к разрешению конкретных ситуаций при назначении экспертиз, оценке их результатов.

При разрешении различных категорий административных дел в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации¹ (далее – КАС РФ, Кодекс) вопрос о назначении судебной экспертизы согласно статье 77 Кодекса может теоретически быть поставлен в ходе рассмотрения любого спора. Между тем, как видно из практики судов Ростовской области, опубликованных судебных актов иных регионов и актов вышестоящих судов, вопрос о назначении судебной экспертизы в практическом плане ставится при разрешении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, при разрешении дел в порядке нормоконтроля, при разрешении дел о приостановлении деятельности или ликвидации организаций, об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Назначение экспертизы диктуется не произвольным мнением суда или лиц, участвующих в деле, а необходимостью использования специальных познаний при разрешении административного дела.

Наиболее характерной категорией дел, на базе которой возможен анализ применения статей 77–83 КАС РФ за пятилетний период с даты принятия Кодекса, являются дела об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости (по основанию установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости), разрешение которых практически в каждом случае объективно требует специальных знаний в области оценочной деятельности.

Необходимость обсуждения судом вопроса о назначении судебной оценочной экспертизы компетентным экспертом по делам об оспаривании ре-

зультатов определения кадастровой стоимости (в том числе об оспаривании решений комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости при Управлениях Росреестра субъектов Российской Федерации) вытекает из разъяснений пункта 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»² (далее – Постановление № 28). Практика назначения таких экспертиз сложилась и в предшествующий период рассмотрения подобных дел в порядке гражданского судопроизводства.

В течение всего периода разрешения судами общей юрисдикции дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости по правилам главы 25 КАС РФ возникают вопросы в связи с применением статей 77–83 Кодекса. Остановимся на некоторых из них, наиболее важных.

В Ростовском областном суде сложилась практика указания (разъяснения) в определениях о подготовке дела к судебному разбирательству на возможность назначения судебной экспертизы, направленной на проверку отчета об оценке, определение рыночной стоимости объекта недвижимости. Такой подход позволяет заранее информировать стороны и заинтересованных лиц, независимо от их юридической подготовки, о возможном направлении судебного разбирательства. Как показывают примеры большинства рассмотренных административных дел, административный истец либо административный ответчик (как правило, орган исполнительной власти, утвердивший результаты определения кадастровой стоимости) в предварительном судебном заседании заявляет ходатайство о назначении оценочной экспертизы.

Вместе с тем типична ситуация, когда в ходе рассмотрения дел ни одна из сторон не заявляла такое ходатайство, в том числе это происходит при неявке сторон в судебное заседание. Суд вправе, в зависимости от конкретного соот-

¹ КАС РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Российская газета. 10 июля 2015 г.

ношения оспариваемой кадастровой стоимости и заявленной рыночной стоимости, содержания отчета оценщика (в частности, корректности определения сегмента рынка, подбора объектов-аналогов, источников использованной информации) по своей инициативе назначить экспертизу. Основанием для этого является положение части 2 ст. 77 КАС РФ, согласно которому экспертиза может быть назначена по инициативе суда, если ее проведение необходимо в связи с выявленными обстоятельствами административного дела и представленными доказательствами. Назначение экспертизы в рассматриваемой ситуации (при участии сторон или в их отсутствие) влечет самостоятельный

Назначение экспертизы диктуется не произвольным мнением суда или лиц, участвующих в деле, а необходимостью использования специальных познаний при разрешении административного дела

выбор судом эксперта вне зависимости от предложений сторон. Сведения о квалификации экспертов, сроках и примерной стоимости экспертиз имеются в распоряжении судей ввиду рассмотренного достаточного количества споров. Представляется, что отсутствие ходатайств сторон о назначении экспертизы и непредоставление ими сведений о конкретных экспертах не является процессуальным препятствием для назначения экспертизы, принимая во внимание, что результатом разрешения дела являются размер конкретной налоговой базы по объекту недвижимости, размер арендной платы за землю или выкупной стоимости находящегося в публичной собственности земельного участка, т.е. решение суда влечет вполне конкретные публично-правовые последствия. Несогласие стороны с заключением эксперта, с необходимостью несения судебных расходов в результате разрешения дела не может базироваться на отсутствии волеизъявления стороны на проведение экспертизы. Приведенный подход к назначению экспертизы в рамках главы 25 КАС РФ является способом реализации такого принципа административного

судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон при активной роли суда.

Необходимо также остановиться на практическом значении положения, содержащегося в части 4 ст. 78 КАС РФ об указании в определении на обязанность лица, участвующего в деле, внести на соответствующий счет денежную сумму, подлежащую выплате эксперту, в размере, определенном судом на основании соглашения сторон и эксперта.

Размер денежной суммы, ориентировочно подлежащей выплате эксперту по результатам экспертизы, указывается в ответе экспертной организации на запрос административного истца или административного ответчика о возможности проведения экспертизы, но он не является предметом соглашения сторон и эксперта, а определяется экспертом самостоятельно, исходя из предполагаемого объема работы и установленной стоимости единицы времени. Сторона может согласиться внести такую сумму на специальный счет суда, однако это нельзя признать соглашением в прямом смысле. Административные истцы, предлагая конкретную экспертную организацию (организации), как правило, выражают согласие внести денежные средства по расчету предложенной ими организации, а не иные суммы, которые указаны другими экспертами. Логичной бы являлась формулировка об обязанности стороны, заявляющей ходатайство о проведении экспертизы, внести денежную сумму в соответствии с расчетом конкретного эксперта (согласно определению), что и имеет место на практике.

Из смысла статей 77–78 КАС РФ следует, что внесение стороной конкретной суммы на специальный счет, в том числе при возложении на нее такой обязанности в определении, не является препятствием для проведения экспертизы в отсутствие принудительного способа реализации обязанности стороны по внесению денежных средств на специальный счет. Представляется, что рассматриваемая формулировка нуждается в уточнении, в том числе применительно к возможности назначения и проведения экспертизы вне связи с предварительным внесением стороной денежных средств с последующим рас-

пределением судебных расходов (для устранения неясностей в толковании нормы участниками спора), либо она может быть исключена в связи с отсутствием практической применимости.

При обсуждении вопроса о назначении экспертизы между сторонами регулярно возникают споры о конкретной кандидатуре эксперта (в рамках реализации права, предусмотренного пунктом 1 ч. 4 ст. 77 КАС РФ) при представлении ими одной или нескольких кандидатур (в практике встречаются и случаи, когда представляются письма экспертных организаций с указанием всех значимых сведений о компетенции эксперта, сроке и стоимости экспертизы по конкретному объекту, и случаи, когда стороны только указывают экспертов или экспертные организации). Закономерен вопрос о пределах усмотрения суда в выборе конкретного эксперта. Прямого ответа Кодекс не содержит, относя назначение эксперта к процессуальному решению суда (ч. 2 ст. 78). В рамках действующего правового регулирования действия суда, безусловно, не могут быть произвольными, вместе с тем единственным критерием выбора является (при прочих сравнимых условиях, таких как примерная стоимость, срок) компетенция эксперта, а не субъект его предложения в ходатайстве. Критерием обоснованности выбора эксперта (экспертной организации) является и последующий результат оценки его заключения сторонами. Представляется, что суд вправе при назначении эксперта по внутреннему убеждению учитывать результаты и качество проведенных экспертиз.

Применительно к вопросу о назначении повторной экспертизы (на примере рассматриваемой категории споров) важно отметить следующее. Из содержания части 2 ст. 83 КАС РФ можно сделать вывод о наличии двух оснований для назначения повторной экспертизы: возникновение сомнений в обоснованности заключения или выявление противоречий в выводах эксперта. Суд обязан в определении изложить мотивы несогласия с ранее данным заключением.

Практические проблемы применения приведенной нормы связаны с тем, что сомнения в выводах эксперта

должны базироваться на конкретной мотивации такого суждения со ссылкой на допущенные экспертом нарушения федеральных стандартов оценки и иных требований. В таком случае суд фактически отвергает в определении заключение эксперта, что подразумевает невозможность его использования в решении. Специфика формулировки (возникновение сомнений в обоснованности) предполагает свободу усмотрения суда в назначении повторной экспертизы, критерии мотивированности определения также отсутствуют. Представляется, что суждения определения не могут сводиться к выводу о необоснованности заключения, поскольку в определении его окончательная оценка не дается, но могут быть указаны направления расширения доказательственной базы (например, в части применения подходов к оценке, анализу рынка с целью формирования адекватного круга предложений о продаже объектов из соответствующего сегмента рынка).

Вместе с тем при отклонении ходатайства стороны о назначении повторной (или дополнительной) экспертизы суд обязан привести мотивы своего суждения, не давая оценки заключению эксперта и иным доказательствам по существу. По нашему мнению, вряд ли можно назвать надлежащей мотивацией определения одно лишь указание на право суда назначить повторную экспертизу. При рассмотрении кадастровых споров возможна ссылка на наличие отчета оценщика, в котором указана иная рыночная стоимость в сравнении с заключением эксперта, которое для суда не обязательно. В любом случае решение вопроса о назначении повторной экспертизы обусловлено не мнением стороны, не согласной с конкретным заключением (как правило, с позиций размера рыночной стоимости), а предварительной оценкой судьи, являющейся результатом изучения заключения эксперта в соотношении с отчетом оценщика, результатом допроса эксперта, оценщика.

В делах об оспаривании решений комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости при Управлениях Росреестра субъектов Российской Федерации

судебные расходы

повторная экспертиза

отклонение ходатайства

(в этих спорах, как правило, органами местного самоуправления оспариваются решения об удовлетворении заявлений правообладателей) в каждом случае возникает вопрос о правомерности отчета об оценке (за весь период применения КАС РФ Ростовским областным судом рассмотрено более 100 таких дел).

Практика деятельности комиссии при Управлении Росреестра по Ростовской области за период 2014–2020 годов демонстрирует, что удовлетворение заявлений или отказ не были поставлены в зависимость от количественного показателя отличия (30%) заявленной по отчету рыночной стоимости объекта недвижимости от его кадастровой стоимости.

При рассмотрении по существу административных исков органов местного самоуправления, граждан и организаций, как правило, административными истцами заявлялось ходатайство о назначении судебной экспертизы, направленной на проверку отчета об оценке. Если же ходатайство не заявлялось, то суд с учетом положений Постановления № 28 ставил на обсуждение вопрос о назначении экспертизы отчета.

Вопрос экспертам формулировался на базе пункта 23 Постановления № 28 с дополнением (по аналогии с экспертными заключениями на отчеты саморегулируемых организаций оценщиков): подтверждается ли экспертом рыночная стоимость, указанная в проверяемом отчете?

В результате проведения судебных экспертиз эксперты приходили к следующим вариантам выводов:

1) отчет подтвержден, а экспертом не выявлены такие нарушения Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»³ и федеральных стандартов оценки, которые бы оказывали влияние на достоверность вывода оценщика о рыночной стоимости;

2) отчет не подтвержден, поскольку оценщиком допущены нарушения приведенного Закона и федеральных стандартов оценки, которые повлияли на итоговый вывод о рыночной стоимости объекта недвижимости.

Выводы экспертов формулировались в виде проверочных таблиц (о соответствии либо несоответствии отдельных частей отчета предъявляемым требованиям) и пояснений о характере допущенных нарушений, возможном их влиянии на достоверность вывода о рыночной стоимости, причинах неподтверждения конкретной стоимости.

С учетом обобщенного вопроса о подтверждении либо неподтверждении отчета экспертом суждения о конкретных нарушениях стандартов оценки и закона логически связаны с выводом о соответствии (несоответствии) проверяемого отчета требованиям нормативных правовых актов. В ходе экспертиз при выявлении формальных нарушений стандартов оценки и правомерности по существу суждения оценщика о стоимости эксперт самостоятельно производил расчет рыночной стоимости с использованием подходящих аналогов и делал качественный вывод о нахождении рыночной стоимости по отчету в допустимом интервале показателей стоимости; тогда отчет подтверждался.

При оценке заключений экспертов судом учитывался критерий существенности — разница между кадастровой и рыночной стоимостью, характер и серьезность нарушений федеральных стандартов оценки, их связь с возможностью достоверно определить рыночную стоимость⁴.

Вопросы, связанные с распределением судебных расходов по результатам рассмотрения дела, в котором была проведена оценочная экспертиза, продолжают оставаться дискуссионными, несмотря на правовые позиции, изложенные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 г. № 20-П⁵. Причиной этого является отсутствие прямого закрепления в федеральных стандартах оценки, иных обязательных для применения правовых актах конкретных параметров допустимых диапазонов отклонений существующего стандарта государственной кадастровой оценки примени-

⁴ См., например: дела № 3а-499/2017, № 3а-262/2018, № 3а-215/2019, № 3а-217/2019, № 3а-217/2019, № 3а-234/2020 // Архив Ростовского областного суда.

⁵ СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4726.

тельно к рыночной стоимости конкретного объекта (в зависимости от сегмента рынка, к которому относится объект).

Критерий существенности при оценке отличий кадастровой стоимости и установленного судом размера рыночной стоимости достаточно относителен, поскольку связан со свободой усмотрения правоприменителя в условиях изменений судебной практики. Нахождение установленной экспертом рыночной стоимости в пределах или за пределами указанного в отчете оценщика интервала (диапазона) вряд ли можно признать эффективным способом определения субъекта несения судебных расходов, поскольку оспариваемые показатели кадастровой стоимости очень разнообразны, а определение интервала стоимости по отчету зависит от оценщика и источников используемой информации. На наш взгляд, необходимы конкретные параметры диапазона возможных отклонений, которые могут определяться правовым актом уполномоченного органа исполнительной власти либо документами сообщества оценщиков.

Серьезным вопросом судебной практики, по нашему мнению, является возможность и необходимость назначения экспертиз при рассмотрении дел в порядке нормоконтроля. Такая практика существует в судах регионов при оспаривании нормативных правовых актов в различных сферах регулирования. В силу статьи 213 КАС РФ обязанностью суда является проверка оспариваемых положений нормативного правового акта в рамках параметров, приведенных в части 8 этой статьи. Ряд нормативных правовых актов основан на результатах специальных исследований либо на специальных знаниях сотрудников органа публичной власти (привлеченных специалистов), принявшего конкретный акт.

Типичным примером нормативного правового акта является решение об установлении тарифа любого типа. Практика разрешения дел об оспаривании подобных нормативных правовых актов судами общей юрисдикции обширна. Вместе с тем является неопределенным вопрос о степени необходимости назначения экспертизы в области экономических (технических) знаний для проверки реальной обоснованности

выводов органа тарифного регулирования и материалов, представленных регулируемым субъектом. Результаты разрешения дел показывают, что не всегда экономико-техническое обоснование соответствующего правового акта тарифного органа строится на фактических данных и правовых нормах. Изложенное относится также и к нормативным правовым актам в области охраны окружающей среды (установление охранных зон, определение видов охраняемых объектов), охраны объектов культурного наследия. Представляется, что применительно к фактическому обоснованию сложного нормативного правового акта (если дело сводится к оспариванию такого обоснования) суд

Суд вправе при назначении эксперта по внутреннему убеждению учитывать результаты и качество проведенных экспертиз

вправе по своей инициативе поставить вопрос о назначении соответствующей экспертизы независимо от ходатайств сторон. Это не означает, что полученное заключение повлечет безусловное подтверждение или опровержение выводов и суждений органа публичной власти, вместе с тем заключение компетентного эксперта может разъяснить содержание фактов (сложных для восприятия и всесторонней оценки судьей), их значение для итогового правового акта, при этом эксперт не будет являться сотрудником субъекта оспариваемого акта и не будет связан договором с заказчиком (например, при выполнении аудиторского заключения).

Отмеченные процессуальные вопросы, на наш взгляд, не исчерпывают реальные проблемы судебной практики, вызванные необходимостью использования знаний экспертов, назначением экспертиз. В то же время изложенные размышления направлены на дальнейшее обсуждение постоянно обновляющихся тем, основанных на примерах конкретных публично-правовых споров, результаты разрешения которых формируют отечественную модель административной юстиции.

Нарушение тайны совещания присяжных: российская и конвенционная практика

Юлия Юрьевна Уланова
Псковский областной суд,
судья,
кандидат юридических наук
г. Псков, Россия

Аннотация. На основе анализа российской судебной практики и практики Европейского Суда по правам человека рассмотрены вопросы нарушения тайны совещания присяжных, являющиеся основанием к отмене приговора, связанные с общением присяжных с иными лицами, высказыванием суждений присяжными до или во время вынесения вердикта.

Ключевые слова: тайна совещания, суд присяжных, ЕСПЧ

Violation of confidentiality of a jury meeting: Russia's and conventional practices

Yulia Yurievna Ulanova, Pskov Regional Court, judge, Candidate of Sciences (Law), City of Pskov, Russia

Annotation. The author analyzes the judicial practices of Russia and of the European Court of Human Rights to highlight the violations of confidentiality of the jury meetings, the violations which serve to justify the cancellation of the sentences. Such violations are understood to mean the communications of the jury with other persons, publicly expressed views by the jury before or during the sentence session.

Keywords: confidentiality of the meeting, jury trial, ECHR

Тайна совещания присяжных: правовые аспекты

Нормы статьи 341 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) устанавливают, что вердикт выносится присяжными заседателями в совещательной комнате, при этом присутствие в совещательной комнате иных лиц, кроме коллегии присяжных, не допускается, присяжные не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания.

Таким образом, российское законодательство содержит прямой запрет на входжение в совещательную комнату иных лиц, предусматривая, что возникающие во время обсуждения вопросы, требующие разъяснений, разрешаются согласно статье 344 УПК РФ путем выхода из совещательной комнаты, возвращения коллегии присяжных в зал судебного заседания и обращения к председательствующему без разглашения суждений.

Однако практика корректирует этот запрет, учитывая возможную длительность совещания. Например, не является нарушением тайны совещания присяжных, когда коллегия прервала совещание для оказания медицинской помощи кому-либо из присяжных заседателей, которые во время ее оказания будут находиться в совещательной комнате и высказывать суждения относительно дела².

Присутствие в совещательной комнате иных лиц, общение присяжных во время совещания с иными лицами

Верховный Суд Российской Федерации занимает довольно взвешенную позицию по этому вопросу, не признавая нарушением тайны совещания посещение совещательной комнаты помощником судьи, секретарем судебного заседания, работника отдела материально-технического обеспечения суда для решения организационных вопросов, но с учетом ряда моментов.

Во-первых, Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на своевременность заявления стороной о факте такого нарушения³. Хотя само по себе это обстоятельство не может служить основанием для отказа от проверки таких заявлений (например, Постановление Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 14 ноября 2017 г. по делу «Тимофеев против России» (жалоба № 16887/07)⁴, когда о возможном нарушении стало известно только в период обжалования приговора; об этом деле речь пойдет ниже).

Во-вторых, данные утверждения не должны быть голословными. По формулировке ЕСПЧ, это такой спор о беспристрастности, который с самого начала не представляется явно не лишены оснований; сомнение в беспристрастности должно быть объективно обоснованным, при этом личная беспристрастность судьи презюмируется в отсутствие доказательств обратного⁵. Так, Первый апелляционный суд общей юрисдикции признал доводы о нарушении тайны совещательной комнаты несостоятельными, поскольку жалоба защитника конкретных фактов не содержала, в ней обращалось внимание на отсутствие возможности проверить тайну совещания, удостовериться, что присяжные заседатели, находясь в совещательной комнате, не покидали ее пределы, не обращались за помощью в разрешении процессуальных вопросов к третьим лицам, т.е. речь шла о гипотетически возможном нарушении⁶.

Однако в Постановлении от 8 октября 2019 г. по делу «Щербаков против России» (жалоба № 49506/12)⁷ ЕСПЧ

¹ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

² См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ч. 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. М., 2011. С. 514.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2019 г. № 49-АПУ19-15СП // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Российская хроника ЕСПЧ. 2018. № 1.

⁵ Руководство по статье 6 Конвенции (уголовно-правовой аспект), п. 66–91 // https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_RUS.pdf

⁶ См.: апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 мая 2020 г. № 55-697/2020 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Российская хроника ЕСПЧ. 2020. № 1.

присяжные заседатели

судебная практика

процессуальные вопросы

признал «достаточно подкрепленными» доводы стороны защиты о том, что на присяжных могло быть оказано влияние председательствующим судьей, исходя из письменных заявлений двух присяжных заседателей, касающихся изменений в голосовании по вопросам виновности, поскольку, как следует из копии вопросного листа, ответы в нем на два вопроса были изменены в ходе совещания после консультаций старшины присяжных с председательствующим судьей. ЕСПЧ констатировал нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.; далее – Конвенция)⁸ в связи с непроведением проверки по этому факту.

В результате в порядке пункта 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2012 г., а также состоявшееся по делу Щербакова А.А. решения, передав уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ⁹.

В-третьих, субъектом нарушения является сотрудник аппарата суда, медицинский работник, но не судья или сторона в процессе.

В-четвертых, целью посещения совещательной комнаты является решение организационных или бытовых вопросов. Эту цель председательствующий судья выясняет посредством вопросов старшине с установлением того, каким образом это посещение повлияло или могло повлиять на мнение присяжных.

Например, рассматривая в апелляционном порядке приговор Архангельского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 8 февраля 2019 г. в отношении Я. и других, Верховный суд Российской Федерации указал, что общение в перерывах с присяжными помощника судьи, секре-

таря судебного заседания по организационным вопросам, посещение сотрудником материально-технического отдела суда по поводу настройки оборудования системы отопления не может расцениваться как нарушение тайны совещательной комнаты, поскольку после перерывов присяжные заявляли об отсутствии воздействия на них¹⁰.

Также факт выхода некоторых присяжных из совещательной комнаты для посещения туалетной комнаты, контролируемого судебным приставом и секретарем судебного заседания, не признан нарушением тайны совещания¹¹.

Однако такое нарушение было констатировано в том случае, когда из протокола судебного заседания следовало, что помощник судьи не только имела доступ в совещательную комнату, но и по существу обсуждала с присяжными вопросы доказанности¹².

Следует отметить, что законодательство не всех европейских стран содержит запрет на посещение совещательной комнаты судьей и секретарем судебного заседания. Так, в Бельгии судья может быть приглашен в совещательную комнату для дачи разъяснений по конкретному вопросу. В Норвегии коллегия присяжных также может вызвать председательствующего судью, но если коллегия признает, что вопросы должны быть изменены либо поставлены новые вопросы или необходимы дополнительные разъяснения в части применения правовых принципов или процедуры, то она обязана вернуться в зал суда и обсудить это в присутствии сторон. В кантоне Женева председательствующий судья присутствует во время совещания коллегии присяж-

совещательная комната
вопросы доказанности
общение присяжными

⁸ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2020 г. по делу № 14-П20 о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2019 г. № 14-АП19-35-См // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № 42-АП19-33-См // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹² См. определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 июля 2020 г. по делу № 17-1330/2020 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

ных, чтобы обеспечивать помощь, но не может выражать мнение по вопросу виновности. Секретарь также присутствует для ведения протокола принятых решений и их мотивов¹³.

Разглашение присяжными суждений, касающихся совещания

Как указывалось выше, если в ходе совещания присяжные заседатели придут к выводу о необходимости получить от председательствующего дополнительные разъяснения по поставленным вопросам, они возвращаются в зал судебного заседания, а старшина обращается к председательствующему с соответствующей просьбой таким образом, чтобы не выдать тайну совещания присяжных.

Нарушение этих требований повлекло отмену приговора Пресненского районного суда г. Москвы в апелляционной инстанции. Когда коллегия присяжных возвратилась в зал судебного заседания для получения разъяснений, старшина, обратившись к председательствующему, настаивала на изменении формулировок поставленных вопросов, сообщив, что в противном случае присяжные будут голосовать, мнения разделяются.

Впоследствии старшина вновь обратилась к председательствующему по формулировкам вопросов и необходимости выделить отдельно вопросы, касающиеся предварительной договоренности подсудимых и совместности их действий. При этом она выясняла у судьи, какие последствия будут иметь место, если они признают недоказанными договоренность и совместность действий подсудимых, может ли кто-то написать особое мнение. При таких обстоятельствах, когда старшина присяжных заседателей до окончания совещания и провозглашения вердикта разгласила суждения присяжных по поставленным перед ними вопросам, суд апелляционной инстанции констатировал, что по делу были существенно нарушены требования пункта 5 ч. 1 ст. 333

и статьи 341 УПК РФ о тайне совещания присяжных.

Отменив приговор, апелляция направила уголовное дело на новое судебное разбирательство¹⁴.

По другому делу, когда присяжные неоднократно возвращались из совещательной комнаты в зал для получения разъяснений и допустили фразы: «Нами обсужден первый вопрос, коллегия голосовала, мнения разделились. Утвердительный ответ получен от шести присяжных, двое дали отрицательный ответ», «Ну, тогда получается четыре на четыре», «Доказательств нет. Кто видел, что толкнул?», вышестоящий суд также признал наличие такого нарушения¹⁵.

По делу в отношении В, обвиняемого по части 4 ст. 111 УК РФ (в том числе) и впоследствии оправданного в совершении этого преступления, во время получения разъяснений старшина присяжных заявил, что «возник вопрос по 9-му вопросу. Мы согласны, что были причинены травмы потерпевшему, а где и когда, как нам указать, есть сомнения. Может, он куда-то уходил, этого мы не можем знать, если непонятно место, то и кто это мог сделать — подсудимый или какие-то другие лица». В дальнейшем, согласно вердикту, на 9-й вопрос о доказанности деяния дан положительный ответ, за исключением места нанесения травм, а на 10-й вопрос о доказанности совершения деяния подсудимым — отрицательный.

В связи с этим суд апелляционной инстанции констатировал, что еще до вынесения вердикта старшина присяжных заседателей в нарушение пункта 5 ч. 2 ст. 333, статьи 341 УПК РФ сообщил свое мнение об ответе на 9-й и 10-й вопросы, нарушив тайну совещания коллегии присяжных заседателей¹⁶.

¹³ См.: § 53–55 Постановления ЕСПЧ от 16 ноября 2010 г. по делу «Таске (Tahquet) против Бельгии» (жалоба № 926/05) // Прецеденты ЕСПЧ. 2016. № 5.

¹⁴ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 14 ноября 2018 г. по делу № 10-18758/2018 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2019 г. по делу № 55-112/2019 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 г. по делу № 77-605/2020 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Заявления о нарушении тайны совещания с учетом практики ЕСПЧ

Последняя практика Верховного Суда Российской Федерации с учетом постановлений ЕСПЧ свидетельствует о том, что, во-первых, проверка по таким заявлениям должна быть проведена, во-вторых, она должна быть тщательной.

Главные доводы, по которым ЕСПЧ признавал нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции, – это непроведение проверки (постановления по упомянутым выше делам «Тимофеев против России», «Щербатов против России») либо ее неполнота и формальность (Постановление ЕСПЧ от 8 января 2019 г. по делу «Никотин против России» (жалоба № 80251/13)¹⁷).

Нарушение тайны совещания может сопровождаться оказанием давления на присяжных, т.е. нарушением принципа беспристрастности, однако этот аспект подлежит отдельному исследованию.

Так, по делу Тимофеева А.О., осужденного приговором Московского городского суда с участием присяжных заседателей, ЕСПЧ установил нарушение статьи 6 Конвенции, которое выразилось в следующем.

Во время апелляционного рассмотрения жалобы осужденного Верховным Судом Российской Федерации один из присяжных заседателей выступил с информацией о том, что председательствующий судья пытался повлиять на присяжных. Как указывалось в жалобе, председательствующий во время вынесения вердикта зашел к присяжным заседателям и сказал им, как они должны отвечать на вопросы. Отвергая эти доводы, Верховный Суд Российской Федерации указал, что никаких возражений на действия председательствующего судьи сторона защиты не предъявляла и о нарушении им порядка совещания присяжных заседателей в судебном заседании не заявляла.

Ссылка осужденного в жалобе на то, что о таких нарушениях ему стало известно уже после окончания судебного разбирательства, не может служить основанием для отмены приговора. Представленные стороной защиты нотариально заверенные объяснения одного из присяжных заседателей могут служить только основанием для обращения в правоохрани-

тельные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела¹⁸.

ЕСПЧ констатировал, что вышестоящий суд отказался рассматривать этот вопрос, предложив заявителю воспользоваться правом подачи заявления о возбуждении уголовного дела в отношении судьи. Но именно Верховный Суд Российской Федерации должен был проверить, являлся ли суд первой инстанции беспристрастным, как того требует пункт 1 ст. 6 Конвенции, он должен был использовать комплекс мер, имеющихся в его распоряжении, чтобы устранить сомнения относительно реальности и характера утверждений заявителя. Однако такую проверку Верховный Суд не провел, а вынесенное им решение не содержало информации о том, почему он не мог допросить присяжных заседателей или дать поручение правоохранительным органам провести расследование.

По этим основаниям Президиум Верховного Суда Российской Федерации со ссылкой на часть 5 ст. 415 УПК РФ возобновил производство по уголовному делу, отменил кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2007 г. в отношении Тимофеева А.О. и передал уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ¹⁹.

При новом кассационном рассмотрении Верховным Судом Российской Федерации по доводам кассационной жалобы о возможном оказании на присяжных заседателей воздействия со стороны председательствующего судьи была инициирована проверка, порученная следственным органам. Сославшись на ее результаты, Верховный Суд отверг доводы осужденного²⁰.

¹⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2007 г. № 5-007-93сп // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2018 г. № 232П18 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. № 5-О19-2сп // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Российская хроника ЕСПЧ. 2019. № 2.

Аналогичную позицию ЕСПЧ высказал и по делу «Щербаков против России», указав, что доводы защитника, подкрепленные объяснениями двух присяжных об изменении итогов голосования после совещания старшины с председательствующим судьей, заслуживали анализа, «в результате которого можно было бы установить совершение оспариваемого факта и снять возможные сомнения в беспристрастности судебного органа первой инстанции», однако Верховный Суд Российской Федерации, выступая в качестве суда апелляционной инстанции, отказался приобщить к материалам дела пояснения присяжных, отобранные защитником, и не дал мотивированного ответа по заявленным доводам.

Проверка судом заявлений о нарушении тайны совещания

При поступлении сведений о возможном разглашении присяжным суждений по делу до вынесения вердикта председательствующий судья может и должен их проверить путем заслушивания того присяжного заседателя, которого касаются эти сведения, с отражением результатов заслушивания (опроса) в протоколе судебного заседания²¹ с тем, чтобы обсудить вопрос о замене этого присяжного запасным в порядке статьи 329 УПК РФ (как, например, это имело место по делу Т. и других, когда один из присяжных до вынесения вердикта заявил о потере объективности²²), а также для того, чтобы в дальнейшем эти доводы могли быть проверены и оценены судом апелляционной инстанции.

О такой возможности говорит и ЕСПЧ: «...столкнувшись с утверждением об отсутствии беспристрастности... судья должен принять меры, например созвать коллегия присяжных для предоставления дальнейших инструкций после сбора примечаний сторон или провести расследование для обнаружения фактов, которые могут по-

ставить под сомнение беспристрастность присяжных заседателей, а также установить, какое влияние эти факты могли бы оказать на их мнение...»²³.

Когда сведения о возможном разглашении присяжным суждений, имевшем место до вынесения вердикта, были получены после его принятия, этот вопрос подлежит разрешению судом апелляционной инстанции путем направления в правоохранительные органы материалов для организации проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ.

Из норм главы 42 УПК РФ и анализируемого ниже Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. следует, что проверка доводов о нарушении тайны совещания присяжных, в отличие от вышеуказанного случая, может быть осуществлена только вышестоящим судом, а не судом первой инстанции, поскольку уголовно-процессуальный закон не предоставляет председательствующему возможности каких-либо иных действий, кроме принятия вердикта, его оглашения и постановления приговора в соответствии с ним: в частности, он не может принять решение о роспуске коллегии.

После формирования коллегии присяжных ее роспуск возможен только в единственном случае, указанном в части 5 ст. 348 УПК РФ, – когда председательствующий признает, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления.

Во всех остальных случаях (и при вынесении обвинительного вердикта, и в случае вынесения оправдательного вердикта), как неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации, роспуск коллегии присяжных недопустим²⁴, равно как и продолжение судебного раз-

²¹ Такое же мнение высказывается и представителями адвокатского сообщества. См., например: Насонов С. ЕСПЧ признал имеющийся в России механизм проверки неэффективным // Адвокатская газета. 16 января 2019 г.

²² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2019 г. № 56-АПУ19-6 сп // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

²³ Пункт 27 Постановления ЕСПЧ от 28 мая 2019 г. по делу «Кабанов против России» (жалоба № 17506/11).

²⁴ См.: Обзор практики Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год по делам, рассмотренным краевыми и областными судами с участием присяжных заседателей // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5. С. 23.

вынесение вердикта
роспуск коллегии
сомнение в беспристрастности

бирательства с вынесением вердикта повторно²⁵ невозможно, поскольку он в соответствии с требованиями статьи 348 УПК РФ является обязательным для председательствующего судьи, подлежит принятию им и оглашению.

Таким образом, у судьи первой инстанции нет правовых рычагов реагирования на заявленные доводы, которые должны быть проверены судом апелляционной инстанции.

Например, по делу К., оправданного Псковским областным судом на основании вердикта присяжных заседателей, было установлено, что во время совещания присяжных, когда они вышли для получения разъяснений в зал, присяжная передала запасному присяжному заседателю записку с информацией о предварительных итогах голосования, которую он довел до сведения потерпевшей, а также сообщил, что старшина убеждал коллегия вынести оправдательный вердикт. Об этих обстоятельствах потерпевшая сообщила суду на стадии обсуждения вердикта. Кроме того, поступило заявление о подкупе присяжных, в связи с чем судом была назначена проверка, после которой, признав оправдательный вердикт обязательным, суд постановил оправдательный приговор, впоследствии отмененный вышестоящим судом в связи с нарушением тайны совещания и общением адвоката с запасными присяжными заседателями (в том числе)²⁶.

Возможным вариантом преодоления этой проблемы именно судом первой инстанции может стать отвод каждого из присяжных и замена их запасными, а в случае их недостаточности — признание судебного разбирательства недействительным с роспуском коллегии и началом нового отбора присяжных в соответствии с частью 3 ст. 329 УПК РФ.

В целом необходимо отметить, что механизм проверки нарушения тайны совещания присяжных никак не регламентирован, что, безусловно, требует разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время такая проверка осуществляется посредством проведения служебной и (или) доследственной проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ.

Наряду с этим вышестоящий суд оценивает содержание вердикта.

Служебная проверка, производство которой процессуально не регламентировано, назначается вышестоящим судом и поручается председателю суда первой инстанции. В ее ходе отбираются объяснения от председательствующего судьи, секретаря, помощника судьи, судебного пристава²⁷.

Например, такая проверка имела место при рассмотрении Верховным Судом Российской Федерации уголовного дела в отношении Щербакова А.А. в связи с доводами о нарушении тайны совещания, выразившемся в изменении результатов голосования по вопросам виновности подсудимого после консультаций присяжных заседателей с помощником председательствующего судьи.

Судебная коллегия, проанализировав вердикт, указала, что представленные в нем ответы на вопросы о виновности Щербакова А.А. (как первоначальные, так и исправленные) данных об оправдании не содержат.

Изучив представленные Свердловским областным судом объяснения присяжных заседателей Б. и П. (на чьи пояснения ранее ссылался адвокат), объяснения старшины З. и еще семи присяжных, пояснения секретаря судебного заседания, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу об отсутствии незаконного воздействия на коллегия, а также об отсутствии обстоятельств, указывающих на нарушение тайны совещания²⁸.

²⁵ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2011 г. № 212-П11с // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2011 года (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 6).

²⁶ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 5 июля 2021 г. по делу № 55-971/2021.

²⁷ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № 41-АПУ19-15СП; Кассационные определения Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2009 г. № 18-009-28СП, от 30 декабря 2008 г. № 18-008-63СП; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2007 г. № 16-007-21сп // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс». См. также: Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2010.

²⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (по правилам главы 45 УПК РФ) от 24 декабря 2020 г. № 45-О20-2СП // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Другим путем – процессуальной проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ – проверены доводы по делу, рассмотренному Московским городским судом в отношении Г. и других о том, что судья уже после окончания судебных заседаний в отсутствие сторон общалась с присяжными заседателями и склоняла их к вынесению обвинительного вердикта. Отвергая эти доводы, Верховный Суд Российской Федерации указал, что из решения об отказе в возбуждении уголовного дела следует, что фактов, свидетельствующих об оказании незаконного воздействия на присяжных заседателей с целью вынесения ими обвинительного вердикта, установлено не было, а выводы органа расследования об отсутствии воспрепятствования осуществлению правосудия (ст. 294 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁹) подтверждаются протоколом судебного заседания, согласно которому ни один из присяжных заседателей во время судебного процесса не заявлял о том, что судья или кто-либо из сотрудников суда склонял их к определенному решению.

При этом содержание вердикта, согласно которому часть подсудимых была оправдана полностью либо частично, также не подтверждает, что на присяжных заседателей оказывалось какое-либо воздействие, повлиявшее на их решение³⁰.

По делу Тимофеева А.О. Верховным Судом Российской Федерации была инициирована проверка, порученная Следственному управлению по Восточному административному округу г. Москвы, по результатам которой в возбуждении уголовного дела в отношении председательствующего судьи отказано за отсутствием в его действиях состава преступления.

В ходе проверки следователь, опросив ряд присяжных заседателей, в том числе присяжного заседателя Н., на объяснение которого осужденный ссылался в жалобе, признал, что заявление о вмешательстве председательствующего в принятие присяжными заседателями вердикта не подтвердилось. Указав на отсутствие причин сомневаться в обоснованности и объективности проведенной проверки,

Верховный Суд признал доводы жалобы осужденного несостоятельными³¹.

Советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации М.В. Складенко, анализируя уголовное дело Никотина А.В., приговор в отношении которого также был отменен в связи с постановлением ЕСПЧ ввиду неполноты проверки о воздействии на присяжных, указывает, что при новом рассмотрении этого дела Верховный Суд направил материалы Генеральному прокурору Российской Федерации для организации проверки и производство такой прокурорской проверки в апелляции – это новый организационно-правовой и процессуальный институт, наличие которого позволяет проверить достоверность информации о вмешательстве в судебную деятельность³².

Влияние на судебную практику постановления Конституционного Суда Российской Федерации и возможные проблемы его применения

Некоторое смещение от доследственной проверки в сторону судебного следствия в суде апелляционной инстанции может произойти с учетом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. № 33-П³³ (далее – Постановление № 33-П), согласно которому положения пункта 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не препятствуют суду апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, пригласить в судебное заседание присяжных для выяснения обстоятельств

³¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. № 5-О19-2сп // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

³² См.: Складенко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 35–39.

³³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // Российская газета. 15 июля 2020 г.

²⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁰ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2018 г. № 5-АПУ17-108СП // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

предполагаемого нарушения тайны их совещания без придания им процессуального статуса свидетелей и предполагают их право дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу указанных обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания.

Это решение было неоднозначно воспринято юридическим сообществом. Высказываются опасения, что такая практика позволит манипулировать приговором и злоупотреблять процессуальными правами, например прокурором (как указывают адвокаты), у которого больше «ресурс»³⁴, или самими присяжными, поскольку они при опросе не наделаются ответственностью свидетеля³⁵.

Кроме того, высказывается и позиция, что тогда и профессиональный судья вправе давать пояснения в вышестоящей инстанции, если обсуждается вопрос о нарушении им тайны совещания при постановлении приговора³⁶.

При реализации положений, указанных в Постановлении № 33-П, могут возникнуть следующие вопросы:

— должны ли быть заслушаны все члены коллегии присяжных или это нужно делать только в том случае, когда кто-либо из присяжных оказывал на других влияние, доводил до их сведения «запрещенную информацию»³⁷;

— возможно ли заслушивание присяжного председательствующим судьей в суде первой инстанции, если до передачи вердикта поступает заявление о нарушении тайны совещания, поскольку из буквального текста Постановления № 33-П следует, что такой возможностью

обладает только суд апелляционной инстанции;

— возможно ли заслушивание присяжных по инициативе суда и/или любой стороны по делу, поскольку из текста Постановления № 33-П буквально вытекает, что это возможно только по инициативе стороны, оспаривающей приговор?

Высказанные замечания не лишены оснований, что, впрочем, не умаляет значения принятого Постановления. Существование такового механизма проверки при всей его спорности дисциплинирует стороны и ориентирует суды предусматривать защитные механизмы (установление камер, направленных в сторону двери совещательной комнаты, сдача присяжными мобильных телефонов перед удалением на совещание, выработка конкретного механизма сообщения присяжными о готовности вердикта и др.).

Заключение

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

— посещение совещательной комнаты членами коллегии присяжных, не входящими в состав коллегии присяжных, не во всех случаях влечет признание тайны совещания нарушенной;

— заявление о нарушении тайны совещания и принципа беспристрастности должно подкрепляться конкретными фактами;

— заявление о высказывании присяжным суждений по делу или оказании на него давления подлежит проверке председательствующим судьей с последующим обоснованием о замене в порядке части 4 ст. 333 УПК РФ;

— заявление о нарушении тайны совещания присяжных заседателей проверяется вышестоящим судом;

— формы проверки этих доводов являются служебная проверка, доследственная проверка в рамках статей 144–145 УПК РФ, а также заслушивание членов коллегии присяжных без придания им свидетельского статуса;

— задачи проверки являются установление наличия либо отсутствия конкретных фактов по доводам (о посещении совещательной комнаты во время совещания присяжных посторонними лицами и др.), а также влияния этих фактов на мнение присяжных, их суждения и решение по делу. □

³⁴ См.: Брестер А. Право на допрос присяжных: комментарий к Постановлению Конституционного Суда России по делу Алиева // <https://academia.ilpp.ru/pravo-na-dopros-prisjazhnyh-kommentarii-k-postanovleniyu-konstitucionnogo-suda-rossii-po-delu-aliyeva/>

³⁵ См.: Чирнинов А. Янус оказался односторонним: комментарий к Постановлению Конституционного Суда России по делу Алиева // <https://academia.ilpp.ru/pravo-na-dopros-prisjazhnyh-kommentarii-k-postanovleniyu-konstitucionnogo-suda-rossii-po-delu-aliyeva/>

³⁶ См.: Калиновский К.Б. Право присяжного и судьи на дачу пояснений // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 9.

³⁷ См., например: Постановление ЕСПЧ от 28 мая 2019 г. по делу «Набанов против России» (жалоба № 17506/11) // Российская хроника ЕСПЧ. 2019. № 3.

Индивидуализация уголовной ответственности и разумная свобода судейского усмотрения

Евгений Иванович Васьков

Ленинский районный суд Тульской области,
председатель
п. Ленинский, Россия

Аннотация. Назначение судом в рамках предоставленных ему полномочий справедливого наказания за совершенное преступление способствует решению задач и достижению целей, указанных в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье рассматриваются вопросы индивидуализации уголовного наказания и судейского усмотрения при назначении наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, индивидуализация наказания, судейское усмотрение

Individualization of criminal responsibility and reasonable freedom with regard to judicial discretion

Evgeny Ivanovich Vaskov, Leninsky District Court of the Tula Region, chairman, settlement Leninsky, Russia

Annotation. The just punishment for the crime committed imposed by the court acting within the powers granted thereto contributes to the solution of the tasks and attainment of the objectives specified by the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. The article deals with the issues of individualization of criminal punishment and the relevant judicial discretion.

Keywords: criminal responsibility, individualization of punishment, judicial discretion

Вопросы о мере уголовного наказания, правилах его назначения вызывают дискуссии не только среди теоретиков, но и среди практиков. Трансформации в общественной жизни и появление новых общественных отношений приводят к изменению или возникновению новых объектов преступных посягательств, а значит, и к изменению применяемых государством мер ответственности. Это выражается в декриминализации некоторых составов преступления, появлении новых видов наказания и мер уголовно-правового характера.

В связи с этим изменение уголовного закона требует оперативного формирования практики его применения и выбора мер уголовного наказания.

Дифференциация уголовной ответственности представляет собой деятельность законодателя по установлению различных уголовно-правовых последствий в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления, что позволяет правоприменителю избрать конкретную меру воздействия к лицу, совершившему преступное посягательство¹. Законодатель предоставляет суду право с учетом оценки характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения определять меру, которая будет способствовать достижению целей наказания.

Оценивает деяние и назначает за него наказание только суд, исходя из своих исключительных полномочий по осуществлению правосудия, установленных Конституцией Российской Федерации² и уголовно-процессуальным законом. Разрешая дело, суд, реализуя данные ему исключительные полномочия, на основе исследованных в судебном заседании доказательств самостоятельно формулирует выводы об установленных фактах и о подлежащих применению в данном деле нормах права³.

Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в статьях 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ).

В юридической литературе высказываются мнения, что поскольку ни УК РФ, ни Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁵ не раскрывают понятие «справедливость», то каждый правоприменитель будет понимать его по-своему. Указывается на опасность такого подхода, поскольку представления с морали и справедливости весьма индивидуальны: что для одного правоприменителя может показаться справедливым и моральным, для другого может таковым не быть⁶. Именно о «негативной роли субъективизма судебного усмотрения» говорят авторы, отмечая при этом нарушения принципа справедливости в процессе правоприменения⁷.

Вопрос судебного усмотрения обсуждался на заседании Клуба имени Замiatина, прошедшего 5 июня 2019 г. с участием судей Верховного Суда Российской Федерации. По мнению судьи Верховного Суда Российской Федерации С.В. Астахова, «судейское усмотрение есть справедливость». Судья воздает каждому должное на основании закона, исследовав фактические обстоятельства. При этом факты разнообразны, а закон один, и у суда есть свобода из возможно применимых норм разумным образом выбрать наиболее подходящую для вынесения справедливого и законного решения⁸.

Председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов на заседании Клуба отметил, что чем богаче человеческая жизнь, тем свободнее

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 34, 48, 52

² СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Российская газета. 12 июля 2013 г.; Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1153-О и от 28 марта 2017 г. № 526-О // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

⁶ См.: Войтов В.А. Теория справедливости: право и экономика. Монография. М., 2017.

⁷ См.: Болотов С.А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 12.

⁸ См.: Судейское усмотрение в ситуации выбора возможности и ограничения. Размышления теоретиков и практиков // Судья. 2019. № 7. С. 40–45.

человеческая инициатива, чем многообразнее конфликты, тем больше будет судейского усмотрения, так как никаких законов не хватит, чтобы охватить разнообразие жизненных ситуаций⁹.

Необходимости индивидуального подхода к оценке уголовно наказуемого деяния и применению меры уголовного наказания придерживается и законодатель. Об этом свидетельствуют положения Общей и Особенной частей УК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях¹⁰ и определениях¹¹ неоднократно указывал на то, что санкции, налагаемые органами государственной власти, являются мерой юридической ответственности, поэтому размер взыскания должен отвечать критерию соразмерности и применяться с соблюдением принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств.

Меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общества интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств¹².

Разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ

преступления является прерогативой федерального законодателя, который, осуществляя выбор тех или иных наказаний, должен руководствоваться конституционными требованиями необходимости и пропорциональности, обязывающими его дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения. Применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма.

На необходимость соблюдения требований и правил индивидуализации наказания указывается практически во всех Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (например, от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹³, от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»¹⁴; от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹⁵ и др.).

Подводя итог, можно сделать вывод, что применение справедливой меры уголовного наказания возможно при разумной свободе судейского усмотрения.

Предопределенность правоприменительного решения, т.е. установление законодателем определенной санкции статьи Особенной части УК РФ и невозможности назначения альтернативного наказания, исключало бы свободу судейского усмотрения и индивидуализацию уголовной ответственности. □

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П // Российская газета. 21 мая 1998 г., от 15 июля 1999 г. № 11-П // Российская газета. 3 августа 1999 г., от 30 июля 2001 г. № 13-П // Российская газета. 8 августа 2001 г.

¹¹ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 244-О // Российская газета. 17 января 2001 г.

¹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

¹³ Российская газета. 1 февраля 2011 г.

¹⁴ Российская газета. 4 июня 2014 г.

¹⁵ Российская газета. 30 октября 2012 г.

альтернативное наказание

конституционное требование

принцип пропорциональности

Отдельные международно- правовые аспекты исполнения судебных актов в Российской Федерации

Богдан Леонидович Зимненко

Верховный Суд Российской Федерации,
начальник отдела международного права
Управления систематизации законодательства
и анализа судебной практики,
доктор юридических наук, профессор
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам своевременности исполнения судебных актов. В статье анализируется практика Европейского Суда по правам человека в вопросах защиты права лица на исполнение судебного акта в Российской Федерации. Анализируются меры Верховного Суда Российской Федерации и иных органов государственной власти, направленные на реализацию указанных постановлений Европейского Суда в рамках правовой системы Российской Федерации.

Ключевые слова: исполнение судебного акта, своевременное исполнение судебного акта, неисполнение судебного акта, исполнительное производство, Европейский Суд по правам человека

Certain international legal aspects relating to enforcement of the judicial acts in the Russian Federation

Bogdan Leonidovich Zimnenko, The Supreme Court of the Russian Federation, Head of International Law Department, Department of systematization of legislation, and analysis of judicial practices, Doctor of Sciences (Law), Professor, Moscow, Russia

Annotation. The article is devoted to the issues of the timely enforcement of judicial acts. The author analyzes the practices of the European Court of Human Rights relating to the protection of a person's right to the execution of a judicial act in the Russian Federation. Subject to analysis are the measures of the Supreme Court of the Russian Federation and of other state authorities aimed at implementing the judgments of the European Court within the legal system of the Russian Federation.

Keywords: enforcement of a judicial act, timely enforcement of a judicial act, non-execution of a judicial act, enforcement proceedings, European Court of Human Rights

Право на исполнение судебного акта является интегральной частью права на справедливое судебное разбирательство, предусматриваемого общепризнанными принципами и нормами международного права и рядом международных договоров, участником которых является в том числе Российская Федерация.

Вопросы защиты права лица на исполнение судебного акта в Российской Федерации стали предметом внимания универсальных и региональных международных договорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека. Примером в рассматриваемом отношении являются Комитет ООН по правам человека и Европейский Суд по правам человека (далее также – ЕСПЧ).

К настоящему времени ЕСПЧ в отношении Российской Федерации вынес четыре пилотных постановления, при этом два из них¹ касаются вопросов исполнения судебных актов.

По состоянию на 23 апреля 2021 г. ЕСПЧ в отношении Российской Федерации вынес 158 постановлений, содержащих нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² (Рим, 4 ноября 1950 г.; далее – Конвенция) в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением судебных актов, и только в 9 постановлениях установлено отсутствие соответствующего нарушения. В период с 1959 по 2020 год в отношении государств – членов Совета Европы ЕСПЧ вынес 604 постановления, устанавливающих нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением судебных актов, и из этого количества 158 постановлений касались Российской Федерации, что составило чуть более 25%. Доля постановлений, где ЕСПЧ по делам в отноше-

нии Российской Федерации установил нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции в рассматриваемом аспекте, от общего количества постановлений, вынесенных в отношении Российской Федерации, составила 5,3%.

Верховный Суд Российской Федерации наряду с иными органами государственной власти постоянно предпринимает меры общего характера, направленные на реализацию указанных постановлений ЕСПЧ в рамках правовой системы Российской Федерации. Относительно предпринятых мер нельзя не обратить внимания на следующее.

29 марта 2016 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»³.

Ранее, 23 декабря 2010 г., Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было принято Постановление № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴.

17 ноября 2015 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации принято Постановление № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»⁵.

В 2011 году Верховным Судом Российской Федерации были подготовлены Обзор практики рассмотрения судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок⁶, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.

¹ См.: Постановления ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4; от 1 июля 2014 г. по делу «Герасимов и другие (Gerasimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11) (Первая секция) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 11.

² СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

исполнение судебного акта
исполнительное производство
европейский суд по правам человека

Федерации 31 августа 2011 г., а также Обзор практики Европейского Суда по правам человека за 2009–2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и/или исполнение судебного решения в разумные сроки⁷.

Суды Российской Федерации реализуют положения Федерального закона от

разделе «Ведомственный контур» Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Право-судие» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов.

ЕСПЧ и Комитет министров Совета Европы позитивно оценили меры, предпринятые органами государственной власти Российской Федерации с целью реализации в правовой системе Российской Федерации соответствующих постановлений ЕСПЧ. Так, положения Закона № 68-ФЗ, как известно, в настоящее время рассматриваются в качестве средства правовой защиты, подлежащего исчерпанию перед обращением в ЕСПЧ лицом, утверждающим о предполагаемом нарушении его права на исполнение судебного акта, на который распространяется действие упомянутого Закона. В настоящее время в связи с наличием в правовой системе Российской Федерации этого средства правовой защиты ЕСПЧ по делам, рассматриваемым в отношении Российской Федерации, не устанавливает нарушения статьи 13 Конвенции, которая предусматривает право каждого на эффективное средство правовой защиты.

Предпринятые органами государственной власти меры дали положительный результат. Если в 2017 году по делам в отношении Российской Федерации ЕСПЧ вынес 35 постановлений, которыми установлено нарушение пункта 1 ст. 6 Конвенции ввиду неисполнения или несвоевременного исполнения судебных актов, то в 2018 году количество таких постановлений составило 17, в 2019 году – 14, а в 2020 году – 7. Можно предположить, что количество рассматриваемых постановлений будет постоянно уменьшаться.

Текущая практика Комитета ООН по правам человека и ЕСПЧ демонстрирует, что в аспекте исполнения судебных актов продолжает оставаться актуальным вопрос о выполнении публичных и частных интересов в ходе исполнительного производства, сторонами которого являются частные лица. Оставляя за скобками процедуру исполнения судебных актов, на которые распространяется действие Закона № 68-ФЗ и которые должны быть исполнены в любом случае, важно отметить, что в ходе исполнительного производства, сторонами которо-

“

В ходе исполнительного производства, сторонами которого являются частные лица, необходимо учитывать интересы не только взыскателя, но и должника

30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон № 68-ФЗ)⁸.

Например, в 2020 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 772 дела о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, возлагающего на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих обязанность исполнить иные требования имущественного характера и (или) требования неимущественного характера. Было взыскано 32 689 000 руб.

Верховный Суд Российской Федерации довел до сведения судей информацию о 170 постановлениях ЕСПЧ, вынесенных по делам в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств и связанных с вопросами неисполнения или несвоевременного исполнения государством судебных актов. Информация об этих постановлениях была изложена в периодических обзорах практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, а также размещена в

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3.

⁸ СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

го являются частные лица, необходимо учитывать интересы не только взыскателя, но и должника. Если вследствие осуществления процедуры такого производства должнику будет нанесен вред, по своему объему значительно превышающий вред, который может быть причинен взыскателю в результате несвоевременного исполнения судебного акта, то у международных договорных органов может возникнуть вопрос о защите прав должника, например права на уважение семейной, личной жизни, жилища или права на беспрепятственное пользование должником принадлежащим ему имуществом. Речь, конечно, не идет об освобождении должника от ответственности по исполнению судебного акта (если только для этого не имеются законные основания), однако если по обстоятельствам дела требуется защитить интересы должника, то суды в пределах предоставленной им компетенции должны учесть соблюдение справедливого баланса и обеспечить такие интересы.

В ходе исполнения судебных актов не исключается возникновение вопросов, носящих правовой и/или организационный характер. И в этом отношении было бы желательно, чтобы соответствующие правовые положения толковались судами Российской Федерации, а организационные вопросы разрешались с учетом международно-правовых обязательств Российской Федерации. Судам необходимо исходить из концепции дружественного отношения к международному праву, суть которой заключа-

ется в том, что государство, принимая законодательные и иные правовые акты, не намеревается нарушать свои международно-правовые обязательства. Здесь нельзя не остановиться на одном из разъяснений, которое было дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2013 г. в пункте 3 Постановления № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»⁹, а именно: «Правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней».

Применение законодательства Российской Федерации и разрешение возникающих вопросов организационного характера должны способствовать исполнению судебных актов. В противном случае в отношении Российской Федерации международными договорными органами будут приниматься новые решения, устанавливающие нарушения права лица на исполнение судебного акта. Можно предположить, что такая ситуация не будет отвечать интересам Российской Федерации. ■

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

Судья

Ближайшие темы номеров:

- Суд присяжных
- Недропользование
- Охрана и использование воздушного пространства
- Защита и использование водных объектов

Уважаемые читатели!

Направляйте ваши статьи и материалы, а также предложения относительно того, какие еще темы необходимо осветить в следующем году, на электронный адрес редакции info@zhurnalsudya.ru

С правилами оформления предоставляемой на публикацию статьи можно ознакомиться на сайте www.zhurnalsudya.ru в разделе АВТОРАМ.

Защита прав на интеллектуальную собственность в современных условиях

Современный мир – это мир авторов. Данное утверждение в той или иной форме звучало у каждого из выступающих на тринадцатом заседании Клуба имени Замятина. Авторство перестало требовать значительных усилий не столько в поисках замысла, сколько упростило форму воплощения. Современные гаджеты и Интернет изменили представление о творчестве и во многом поменяли экономику обращения результатов воплощения творческих замыслов. Собравшиеся попробовали с позиций права и философии подойти к вопросу создания, обращения и охраны интеллектуальной собственности в современном пространстве. Обсуждающие были единогласны в мнении о том, что сфера регулирования прав на интел-

лектуальную собственность на сегодняшний день является наиболее сложной для установления баланса частных и общественных интересов. А экономические и неэкономические правовые теории зачастую обосновывают противоположные подходы к порядку использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также распоряжения ими. Получается, что отсутствие эффективной защиты интеллектуальных прав, с одной стороны, лишит их обладателей финансовых стимулов для инновационной деятельности. Но, с другой стороны, усиленные и излишне детализированные механизмы правовой охраны могут тормозить творческий прогресс в целом.

Виктор Викторович Момотов, председатель Совета судей Российской Федерации, судья Верховного Суда Российской Федерации, по традиции начиная заседание Клуба, обозначил основные вопросы, которые волнуют «авторское» общество, общество, в котором каждый независимо от возраста и рода занятий может рассматривать себя как создателя творческого продукта и, соответственно, требовать защиты своих авторских прав, в том числе с обращением в суд. Виктор Викторович отметил, что «в России неуклонно растет количество судебных дел, связанных с защитой интеллектуальных прав... В таких условиях важен баланс между защитой интеллектуальной собственности и возможностью ее распространения».

Экономическая составляющая распространения произведений важна для государства и формирования экономической политики. Но законодателям, равно как и правоприменителям, важно учитывать и исторический контекст, поскольку долгое время в предыдущей исторической формации у граждан не формировалось чувство уважения к частной собственности в целом, а появление Интернета только усилило этот «дефект» правосознания. Утрата многими объектами права своей материальной осязаемости, а это особенно касается объектов интеллектуальной собственности, вызывает эффект безграничности использования результатов чужого труда. «Границы Интернета не совпадают с границами государства, а контроль интеллектуальных прав в нем является затруднительным. Многие люди становятся правонарушителями, даже не понимая этого, — говорил Виктор Викторович, — защита интеллектуальной собственности в сети Интернет — это не только технологическая и правовая проблема, но и в определенной степени идеологическая, которая связана с принципом открытого доступа к информации в интернет-пространстве». Кроме того, по его мнению, «большой ущерб авторам наносят не индивидуальные пользователи, а владельцы сервисов и сайтов, которые размещают произведения на своих ресурсах и предоставляют доступ к ним без должной защиты или вовсе не имея прав на использование объектов интеллектуальной собственности, в том числе при распространении посредством крупных поисковых систем».

Об особенностях защиты позиций правообладателей результатов интеллектуальной деятельности в Суде по интеллектуальным правам и об интересных судебных спорах говорила возглавляющая этот Суд Людмила Александровна Новоселова. Надо сказать, что сегодня в 93 государствах созданы и действуют специализированные суды по рассмотрению судебных споров в сфере интеллектуальных прав. Они активно формируют правоприменительную практику с учетом современных тенденций в эволюции правоотношений в области использования результатов интеллектуальной деятельности. Большое значение имеет практика Европейского Суда, но и правовые позиции отечественного суда также вызывают интерес и на них ссылаются зарубежные коллеги. Так, Людмила Александровна отметила, что на одной из международных конференций выяснилось, что нашим судам единственным в мире пришлось решать вопрос о принудительных лицензиях на лекарства. И сформированная отечественная судебная практика в этом вопросе, сделанные выводы были востребованы иными судебными системами. Людмила Александровна также отметила рост числа судебных исков: «По сравнению с прошлым годом количество дел, которые рассматривает Президиум Суда по интеллектуальным правам, увеличилось на 70%».

Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации Владимир Валентинович Попов, отметив рост количества дел, рассматриваемых судами в области защиты интеллектуальных прав, в частности в сфере обращения доменных имен, говорил об особенностях формирования правовой позиции по взысканию

ОЕ

име-
уюж-
ест-
вать
звй-
ще-
ожа-
ниях
ко-
ного
щие
ации

компенсаций за нарушение права на чужие товарные знаки или фирменные наименования. Владимир Валентинович рассказал о правовой коллизии, возникшей с принятием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П, где была сформирована позиция о том, что для получения компенсации правообладатель должен доказать наличие убытков. Но, как известно, в Гражданском кодексе Российской Федерации прямо сказано, что при взыскании компенсации не нужно доказывать размер убытков. Такие же разъяснения давали Высший Арбитражный Суд и Верховный Суд Российской Федерации в своей практике. Ожидаемый к концу года Обзор, подготавливаемый Верховным Судом Российской Федерации, должен предложить выход из сложившейся ситуации.

Елена Георгиевна Авакян, советник АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», говорила о смене парадигмы в защите интеллектуальных прав: сегодня люди творят ради признания, и это должно изменить в целом экономическую и правовую политику в выборе способов защиты прав авторства.

Генеральный директор сетевого издания «Дни.ру» Алексей Викторович Тарасов рассказал о пределах цитирования в интернет-СМИ. По его словам, в российской традиции цитирование возможно только в научных, учебных и информационных целях, при этом предел цитирования законом не определен — он устанавливается судебной практикой. Он отметил, что крупные новостные агрегаторы постепенно приходят к тому, что намерены платить за цитаты СМИ-правообладателям. О такой готовности недавно сообщил «Яндекс». Алексей Викторович объяснил такой шаг примером *Google*, который начал проигрывать суды в Европе, где производители контента требовали от американской компании платить за цитаты и заголовки в выдаче *Google News*.

Главный научный сотрудник ИГП РАН Андрей Владимирович Габов поразмышлял о нормах русского языка. В настоящее время, считает выступающий, крайне острым вопросом для правосудия является порядок использования в судебных актах (иных процессуальных документах) слов и выражений, составляющих так называемую нецензурную брань. Эта проблема многогранна. Она, очевидно, актуальна для случаев привлечения лица к ответственности за мелкое хулиганство, для уголовно-процессуальных отношений и для гражданских дел по защите чести и достоинства, защите исключительных прав (отметим, что в названии объекта авторского права может быть использовано слово, относящееся к так называемой нецензурной брани). По мнению Андрея Владимировича, понятие «нецензурная брань», закрепленное в настоящее время нормативно, не является удачным для описания сегментов русского языка, ограниченных в использовании.

Выступающие обменивались репликами, общались с приглашенными участниками заседания Клуба и пришли к выводу о том, что защита интеллектуальных прав требует комплексного подхода — оперативности и гибкости работы государственных надзорных органов, развития в обществе культуры уважения к результатам интеллектуального труда. Именно такие меры позволят соблюсти баланс между свободой доступа к информации и защитой авторских и смежных прав. Важно, чтобы объекты соответствующей правовой охраны становились доступны широкому кругу пользователей при сохранении стимулирования финансовых и иных, в том числе нематериальных, затрат на изобретательскую или иную творческую деятельность.